

Яркан Звездного паука

Глава первая

1. И тут невидимый враг нанес удар по светилу.

На голубоватой поверхности солнца образовалось темно-багровое пятно, медленно, но, заметно пульсируя, пятно это распространялось по поверхности звезды, наконец, звезда выстрелила во все стороны огненными и жгучими протуберанцами, корона ее яростно закипела. Волна раскаленной плазмы устремилась в стороны, выжигая и превращая в пульсирующие шарики окружающие планеты.

Все кончилось быстро. Огненная волна накатилась на окружающее пространство и откатилась назад, звезда изменила цвет — теперь она была багровой, и по поверхности ее гуляли черные пятна. Да и сама звезда перестала быть шаром. Она вытяну-

лась, превращаясь в эллипс, потом в центральной части эллипса обозначилось сужение, словно в пространстве делилась гигантская амеба.

Дрожащие капельки, еще недавно бывшие планетами, стремительно притягивались к бывшему светилу, разделившиеся багровые части звезды вновь медленно сливались воедино; темнея, звезда сливалась с окружающим его пространством; несколько лет — и на месте звезды образуется еще одна черная дыра, появление рядом с которой окажется гибельным для всех созданий вселенной, ведь захваченные выросшим притяжением невидимого космического тела, они превратятся в энергию, чтобы питать ее все возрастающую мощь.

— Впечатляет, — отворачиваясь от экрана, подвел итог Армстронг, — Против такого оружия нам нечего противопоставить. Противник, разруша-

ющий звезды, слишком серьезен, чтобы мы вели с ним успешную войну.

— Именно так погибли цивилизации ориан, скуттеров, линдов, — сказал Брызгин. — Этот враг не ставит ультиматумов, он не требует ничего, он просто появляется неожиданно и гасит звезды. С ним невозможно договориться, никто не знает, где его можно найти и как к нему обратиться.

Армстронг удивленно поднял редкие брови. Его бледное абсолютно лишённое растительности лицо осталось невозмутимым. Двести прожитых лет научили Армстронга выдержке. В начале своей научной карьеры, до того как стать звездной величиной, Армстронгу довелось немало полетать к планетам-гигантам Солнечной системы на несовершенных изотопных планетолетах.

— Собственно, почему все решили, что это агрессор? — задумчиво спросил Армстронг. — Не проще ли предположить, что мы имеем дело с обычным физическим явлением космических масштабов? Сравнительные характеристики погибших звезд, разумеется, уже подобраны. Кто-нибудь изучал их? Нет ли у всех звезд что-нибудь общего?

— Общее у всех звезд одно, — сказал Брызгин. — Все погибшие системы являлись стабильными, и не было ни малейшего намека на их возможную гибель. Линды в астрофизике намного обогнали нас, но и они не проявляли никакого беспокойства. А в результате — нет больше цивилизации линдов, только несколько экипажей космических кораблей, высадившихся на космодромы Содружества. Представляет, что это значит — пережить собственную цивилизацию, потеряв не только близких и родных, по сути дела потеряв смысл самого существования?

— Знаю, — сказал Армстронг без улыбки. Бледное лицо его оставалось бесстрастным. — Я уже бывал в колонии на Эль-Ди.

Колония на планете Эль-Ди была создана Содружеством для таких, как уцелевшие линды. На планете в системе Сириуса проживало несколько

тысяч разумян, потерявших свои цивилизации. Содружество помогало им чем могло, но не могло помочь лишь справиться с бедой. Сочувствие здесь было излишним. Колонисты с Эль-Ди не просто лишились всего, они потеряли нравственную опору — ни социума, ни религии, ни философии, созданной их народами, больше не существовало, а те обрывки знаний, которые колонисты еще сохранили, стали бессмысленными. Армстронг даже не представлял, как продолжали жить эти люди, сам он никогда бы не смог жить, зная, что Солнца и Земли больше нет, что вместо зеленой родины где-то в космическом пространстве черным невидимым пауком таится черная дыра, скрывающая за горизонтом событий все следы однажды случившейся трагедии.

С затаенной печалью он поглядывал на Брызгина. Андрей Брызгин был молод, ему еще не исполнилось двадцати пяти лет, поэтому прибегать к услугам геноинженеров, чтобы заморозить свой возраст ему еще было рановато. Обычно к услугам генотехники прибегают лет в тридцать, тридцать пять, потому и Земля выглядит теперь так молодо, да и в колониях таких, как Армстронг, почти не осталось. После шестидесяти лет мало кто консервировал свой возраст, психологически это оказалось неприемлемым для большинства землян. А в их более ранние годы генотехника, к сожалению, таких успехов еще не достигла. Здоровье подправить — пожалуйста, биоблокаду установить, избавив людей от тысяч болезней, — тоже запросто, но старость оказалась не слишком податливой, ее удалось победить всего столетие назад. Армстронг рискнул, ему было очень интересно жить, слишком много оказалось во вселенной неразрешенных загадок. Рискнул и получил дополнительный срок. Но не молодость, хотя и это, говорят, было вполне возможным. «Консервативность, — с неожиданным огорчением подумал Армстронг. — Вот в чем дело. Я уже не могу представить себя молодым, не могу представить, что можно влюбляться в

девушек, заводить семью. Я просто слишком стар для того, чтобы повторить однажды пройденный путь. А эти ребята родились значительно позже, поэтому у них нет комплексов, они уже привыкли и считают, что вечная молодость вполне обычна, поэтому они даже не торопятся ее обрести, каждый ищет для себя оптимальный возраст...»

— Я посмотрю, — сказал он. — Оставляйте выкладки.

Брызгин поднялся.

Был он высок, плечист и, наверное, очень нравился женщинам. Кровь трех рас смешалась в нем, и каждая дала Брызгину все самое лучшее своей расы. Европейская кровь подарила статность его фигуре и белую кожу, азиатская — разрез глаз, выдержку и невозмутимость, полинезийская — наделила красотой и острым любознательным умом, стремящимся познать недоступное. Он был очень хорош, этот молодой парень, и он взял у своих предков все, что только можно было взять.

Генотехника позволяла исправить недостатки человека еще во время беременности, когда зародыш только начинал развиваться. Поэтому низкорослых и некрасивых людей среди нынешнего поколения землян почти не было. Исключением мог быть лишь ребенок, родившийся в космосе, вдали от диагностического оборудования и генотехники. Правда, и в этом случае риск сводился к минимуму. Мог ли родиться больной или некрасивый ребенок у двух родителей с прекрасным набором здоровых генов? Это могло произойти лишь в результате рецессии, но такие случаи выпадали один на миллиард, если не реже.

— Тогда я пойду, — сказал Брызгин. — Не буду вам надоедать. Вы знаете, как меня найти.

Армстронг кивнул.

Оставшись один, он некоторое время продолжал неподвижно сидеть в кресле, осмысливая полученную от Брызгина информацию. Информация о космическом агрессоре была секретной, и Армстронг хорошо понимал, почему это делается. Незачем будить в

людях беспокойство. В случае опасности они просто не смогут сидеть, сложа руки, и ждать. Но ведь и что делать, было совершенно неясно. А когда человек начинает что-то делать, не представляя, во имя чего он это делает, и каковы будут последствия, ни к чему хорошему его действия обычно не приводят. Мы это не раз уже проходили. Разве не потому умалчивался сто двадцать лет назад сход с обычной орбиты астероида Надежда? Сто двадцать восемь километров в диаметре, это была не просто каменная глыба в несколько миллионов тонн, это была бомба, летящая к Земле. И что произошло бы, если тогда о ней стало известно жителям Земли не после того, как Надежду увели за пределы Солнечной системы, а до этого?

Но с другой стороны, у гласности тоже были свои преимущества. Помнится, астроархитекторы предложили проект создания второго пояса астероидов между орбитой Марса и Земли. Выгоды этого проекта были очевидны, кольцо могло многократно увеличить энергетические возможности человечества, да и полезные ископаемые оказались бы куда ближе, не пришлось бы их таскать из-за Марса. А всего-то астроархеологи предлагали пожертвовать Ураном. Хорошо, что проект вынесли на общее обсуждение, и это помогло быстро выявить его слабые и даже опасные стороны. Равновесие Солнечной системы строилось именно на планетах-гигантах, выгодный проект мог вполне реально оказаться последним в истории многомиллиардного человечества...

Армстронг поднялся и вышел в сад.

Цветы вишни. От многочисленного цвета дерева казались накрытыми бело-розовой пеной, среди которой почти не было видно редкой листвы. В голубом безоблачном небе громыхнул гром — лайнер ушел к Луне точно по расписанию. Некоторое время в небе висела продолговатая серебряная точка, за которой Армстронг наблюдал с не иссякающей в его душе тоской, потом его ослепила вспышка маршевого двигателя лайнера, а когда

глаза Армстронга адаптировались, лайнера уже не было, он находился где-то в трех-четырёх тысячах километров от Земли. Хорошо было сегодняшнему поколению — весь рейс на Луну занимал три с половиной часа. В молодости поколению Армстронга пришлось значительно труднее, летали они тогда на изотоперах, а эти машинки были неторопливыми, рейс к Юпитеру занимал обычно два года, а если приходилось иной раз летать и дальше, то на это тратилась значительная часть жизни. Именно поэтому до пятидесяти Армстронг не приближался к Земле ближе орбиты Марса. Тратить несколько лет для того, чтобы посетить дом, а потом возвращаться назад, туда, где его ждала увлекательная работа, было непозволительной роскошью, и только когда на трассах появились искривляющие пространство десантные спейстрапперы, он стал позволять себе провести недельку-другую в родной Калифорнии, где у него от родителей осталось роскошное бунгало на побережье.

К ста пятидесяти он остепенился. Нет, это было неправильно, не Армстронг остепенился, его остепенили врачи. Слишком уж он нахватался радиационной пакости, годами вращаясь на СКАНах вокруг Юпитера, Сатурна и Урана, но еще больше накопилось у него на душе, ведь все полеты сопровождалось немалым риском, и только сам Армстронг знал, скольких друзей и товарищей он потерял во время исследований больших планет. В один прекрасный день на рутинном медицинском осмотре, который ежегодно проходили планетчики, врачи сказали Армстронгу, что его звездные приключения закончились, и пора снова привыкать к Земле. Сам Армстронг полагал, что причиной всему этому было все-таки не здоровье, а его возраст и нежелание подвергнуться курсу генетического омолаживания. Двое стариков, которые начинали летать еще раньше него, курс омоложения успешно прошли и что же? — один из них все еще продолжал летать, а второй неожиданно сменил профессию и поселился на Марсе, ак-

тивно включившись в исследования инопланетного города, найденного вблизи горы Олимп.

Армстронг после его невольной демобилизации вернулся на Землю. Благо, что ему было, где жить. Бунгало на побережье стало еще уютнее, вишневые деревья и персики, которые он посадил во время одного из последних посещений дома, разрослись, клумбы заросли пышными и пахучими сапфирными кустами, привезенными с Марса. На Марсе сапфирные кусты цвели раз в три марсианских года, а на чуждой им почве расцветали сказочно прекрасными голубыми цветами ежегодно, а уж аромат у этих цветов был такой, что голова кружилась. Впрочем, вполне может быть, что голова кружилась из-за обилия кислорода, не зря же марсианские сапфиры называли еще обогатителями. Рядом с этими растениями всегда кишела жизнь, только вот семипапки их не жаловали, предпочитая селиться среди красных барханов холодных марсианских пустынь.

Сейчас, стоя в саду, он чувствовал спокойствие и умиротворение, лишь в глубине души Армстронга жило беспокойство, хотя ему не верилось, что этот прекрасный и вечный мир может однажды исчезнуть. Тревога Брызгина казалась ему сейчас беспочвенной. Что за враг может объявиться в глубинах Вселенной, если за время своих путешествий среди звезд земляне столкнулись с четырнадцатью цивилизациями, три из которых были негуманоидными, а две превосходили немного землян в развитии, но ни одна из этих цивилизаций не проявила враждебности к человечеству? Неучтенный фактор появившийся среди звезд? Он вполне мог оказаться физическим явлением, еще никому неизвестным и потому опасным. Враждебны не цивилизации, враждебна сама Вселенная, которая противится тем, кто ее изучает. Не нравится Вселенной, что ее изучают!

А если это все-таки был враг? Могущественный враг, который мог гасить с одного удара звезды, а планеты и обитатели этих планет были просто

помехой для нормальной экспансии этого врага во Вселенной. Раз мешаешь, значит, не нужен. И зачем довариваться, зачем предъявлять ультиматумы, если ты во много раз сильнее? Много ультиматумов предъявляли европейцы, которые пришли на южные острова? Нет, они там действовали по праву сильного. Вот и теперь кто-то в космосе осуществляет это право сильного в самом полном объеме — если перед тобой фактор, который мешает твоему развитию, покончи с этим фактором раз и навсегда.

Армстронг попытался представить себе существ, поступающих так, и они ему очень не понравились. А кому могли понравиться монстры? Жертвы никогда не поймут своего палача.

Он снова вспомнил Брызгина и печально улыбнулся.

Молодой человек явно не ждал от него каких-либо результатов. Наверное, в его глазах Армстронг был старой развалиной, каких в системе еще поискать. Это только сам Армстронг знал, кто из истинных стариков, где находится. Они сами себя так прозвали — истинные старики, все остальные, прошедшие курс генотерапии, были стариками ложными. В глазах Брызгина Армстронг был вроде первого «Челленджера» из нью-йоркского музея астронавтики.

Нет, обижаться не стоило. Да и на что было обижаться, ты, Нейл, и в самом деле зажился на белом свете. И нечего смотреть на то, что твой тезка, из того легендарного экипажа, что высадился на Луну, умер давным-давно, все равно находятся невежи, которые спрашивают, не тот ли он Нейл Армстронг. Даже журналисты иной раз разлетаются, взяв интервью у покорителя Луны. А все почему? Люди отвыкли от старости, поэтому глубокий старик напоминает им о временах древних и героических...

Армстронг сел на скамейку в саду.

Где-то в стороне с легким шорохом пролетел пассажирский флиппер, вполне возможно, что именно на нем улетал Андрей Брызгин, который сейчас с недоумением размышляет, поче-

му было приказано отвезти этому старику всю подборку по погибшим звездам и наработки, сделанные в связи с этим специалистами. Блестящими, надо сказать, специалистами, а не древним космологом, давно уже выжившим из ума. А может, Брызгин так не думает, наоборот, с уважением относится к опыту человека, более сотни лет бороздившего космос и изучавшего планетные процессы. Кто знает, о чем он размышляет, этот молодой!

Армстронг с тоской подумал, что торопиться некуда. Вся ночь впереди, он успеет изучить привезенные материалы. Как многих стариков, Нейла Армстронга мучила бессонница. И вот что было интересным: ты мог подвергаться генному омоложению, мог выглядеть молокососом, одно оставалось неизменным - бессонница. Бессонница и мысли о целесообразности своего существования на Земле. Можно жить, как угодно, можно завести вторую, третью и даже четвертую семью, можно даже сменить сотни работ в поисках самого себя, но вот избавиться от мыслей, о том, что ты постепенно становишься ненужным - невозможно. Потому что это не в генах, это в мыслях, и мысли эти невытравившь даже самой ухищренной терапией.

И, наверное, это важнее гаснущих звезд. Было бы важнее, если бы с гибелью звезд не уходили в небытие миллиарды таких же мыслящих существ, как Нейл. Поэтому он посидел еще немного, и хотя чудесный вечер был в самом разгаре, а над марсианскими сапфирами все еще жужжали пчелы, старик неохотно поднялся и отправился в дом, где его ждала долгая, нудная и кропотливая работа, от которой он уже немного отвык.

2. Андрей Брызгин действительно улетел на том флиппере, что заметил сидящий в саду старик. На Земле оставалось пробыть всего трое суток, поэтому хотелось успеть многое. Армстронг угадал, Брызгин действительно не понимал, зачем его отправили к этой живой космической легенде.

Нет, он уважал старика, тот сделал за свою жизнь столько, что таким, как сам Брызгин, потребовалось бы вдвое больше времени. Да и то вопрос — старик был на редкость талантлив и упорен в достижении целей.

Одно исследование Аморфного пятна на Уране чего стоило!

И все-таки Брызгин полагал, что время легендарных личностей прошлого ушло. Пусть они доживают свой век спокойно, выходят на яхте в море и ловят макрель. Они это заслужили. В крайнем случае, если шеф Брызгина хотел знать мнение этой старой переноски, он мог бы переслать материалы по Интеркому. Но он предпочел погнать к старику Брызгина. Хотел, чтобы Брызгин увидел живьем того, чьи монографии и научные работы стали классическими и вошли в учебники астрофизики? Ну, Брызгин его увидел, прочувствовал, уважал. Что дальше-то? Над проблемой обнаружения агрессора работают институты, там сидят люди, не глупее этого ветерана, а результатов пока нет. Наивно надеяться, что догадки старика заменят работу двух институтов.

Брызгин был молод и оттого самоуверен.

Он родился уже когда не стало промышленности и сельского хозяйства. Даже поверить трудно, когда-то люди выращивали себе питание и занимали огромные площади технологическими и промышленными комплексами. Брызгин был молод, и ему казалось, что всемогущие нанотехнологии были всегда. Нет, некоторые архаичные профессии на Земле все-таки остались, находились люди, которые с удовольствием трагили свое время на скрещивание плодовых деревьев, терпеливо пересаживали черенки, меняли состав почвы и температурные режимы, чтобы получить необыкновенные фрукты. Были и такие, кто занимался исследованием животного мира, и это, наверное, было по-своему увлекательным, но Брызгина не привлекало, как не привлекали его профессии историка и археолога, палеонтолога, океанолога, и

тысячи иных, оставлявших человека на Земле. Он был максималистом, поэтому утверждение, что будущее человечества находится среди звезд, нашло в нем самый живой отклик. С юности жизнь Андрея напоминала стрелу — начавшись рождением, она упиралась в звезды и только в звезды.

На Земле ему было скучно.

Хотелось романтики, но что романтического могло быть в академичных исследованиях? Земля стала слишком обжитой, а потому невозможной для романтики. На ней даже невозможно было потерпеть кораблекрушение — спутники наблюдения по импульсу личного браслета тут же давали знать спасательной службе где находится потерпевший аварию человек. Тот же импульс призывал к потерпевшему аварию человеку нанороботов, которые обеспечивали всем необходимым. Микрокибернетические системы, находящиеся в крови, излечивали человека от болезней, в считанные часы залечивали переломы костей и повреждения мягких тканей, понижали начинающийся жар — даже заболеть было невозможно.

Развитие получали технические и социальные профессии, в иных просто не было нужды. Одной из самых уважаемых профессий стала профессия Учителя. Впрочем, трудно было назвать профессией то, что составляло саму сущность человека. Учить детей было труднее всего на свете, поэтому способность обучать других была редкостным даром, который пытались распознать как можно раньше, чтобы затем всемерно этот дар развивать.

Не менее важной были профессии психолога и социолога. Земля начинала девять миллиардов жителей, еще семь миллиардов жили за пределами родной планеты, взаимоотношения людей усложнились, особенно это касалось взаимоотношений коренных жителей Земли и пространственников, проживающих вне планеты. Отношения эти были простыми и отнюдь не безоблачными. Пространственники к коренным жителям Земли относились с некоторой снис-

ходительностью, как к обитателям некоего безмятежного Рая, не знающих трудностей в жизни.

Другое дело открытый космос! Здесь невозможна была всемогущая спасательная служба, оказавшись в экстремальной ситуации, человек мог надеяться только на себя. Разумеется, микрокибернетические системы делали все возможное, но космос оставался космосом — со всеми его неожиданностями и опасностями.

Что могло спасти обитателей Авроры от неожиданно появившегося Роя? Только попытка стать частью этого Роя. Но сама возможность генетического изменения человека, его приспособление к новой среде обитания встречалась Советом ООН в штыхки. Официально считалось, что такие изменения будут означать конец единого человечества. Можно ли назвать человеком существо, способное жить при давлении в две тысячи атмосфер и температуре в полтысячи градусов? И ведь оно не просто будет жить в этой среде, оно будет информационно с нею связано. Изменение физиологии означает конец старого человека, привязанного к земным условиям. Кроме того, приспособляемость к новой среде обитания будет обуславливать изменение внешнего вида, реакций человека на эту среду, и это тоже обязательно скажется на социологии и психологии измененного существа. Практически, утверждали противники таких изменений, мы будем иметь дело не с представителем человечества, а с новым разумным видом, который сами же и создадим.

Лично Брызгин к подобным утверждениям относился довольно скептически. Нет, он охотно допускал, что изменения генетические вызовут к жизни новый разумный вид. Но почему бы и нет? В конце концов, человечество — это только зародыш, развиваясь, оно обязательно должно видоизменяться. Приспособление к новой среде обитания делает человека более могущественным. А если в результате этих изменений потребуется перейти на новые типы взаимоотношений, создать свое искусство, раз-

рушить прежние социальные связи, то это всего лишь естественный ход событий.

Андрей был максималистом и полагал, что будущее за пространственниками, и именно им определять, каким путем они станут развиваться. Нельзя же вечно оборачиваться на Землю? На Земле в Совете ООН сидят ретрограды, которые боятся высунуть свой нос за пределы ноосферы. Они просто не понимают, что будущее рождается среди звезд, а не на Земле!

Брызгин был молод и самоуверен, а потому и работу свою, посвященную некоторым аспектам развития пространственников, он сделал излишне задиристой. Хотелось немного полить академиков, и Брызгин пошел на это. Только уже позже, когда работа была запущена в Интерком и получила некоторый резонанс, Андрей вдруг понял, что в глазах многих и многих он оказался самоуверенным щенком, задирающим старых и мудрых псов. Но ничего сделать было уже нельзя, работа оторвалась от него и теперь была связана с Брызгиным только его авторством.

Поэтому он смиренно выслушал резкую отповедь ветерана Института метапроблем Цеховича, который на нелестные эпитеты сопляку, каковым он считал Брызгина, не скупился. Цехович даже опешил от неожиданного поведения своего бывшего ученика, поэтому довольно быстро сменил гнев на милость, стал более мягок в выражениях, а расстались они уже довольно дружески, даже поужинали в маленьком кафе на окраине Юрмалы, прямо на берегу Балтийского моря. Кухня в кафе была великолепно, ассамбляторы были запрограммированы большим специалистом, который в пище знал толк, к тому же кафе здесь варили по старинному рецепту — из кофейных зерен, в маленьких турочках. Аромат наполнял маленькое кафе, вкус у напитка был изумителен, и Андрей, скрепя сердце, признал, что стремление некоторых к естественным продуктам не лишено некоторого смысла. В этом убеждали и огромные красные яблоки, глянцево блес-

тевшие на блюде — на вкус они были просто восхитительны.

— Вы слишком нетерпеливы, Андрияша, — сказал Цехович. — Это ведь вопрос не двух и не трех лет, решение его затянется на десятилетие. Это слишком важно для всей Земли и ее колоний. Колонии и так имеют достаточную самостоятельность от метрополии, зачем же стремиться к полному отчуждению и разрыву?

— Вы меня не поняли, Витольд, — возразил Брызгин. — Я говорил не о самостоятельности, я говорил о новом мышлении, которое рождается сейчас у иных звезд. Представьте себе, что существует океан, но реки не вытекают из него, они в него впадают. И самим фактом своего существования делают океан богаче. Я понимаю, Совет напуган тем, что произошло на Карате. Но ведь это было неизбежным! Когда появляется возможность попробовать жить по-новому, очень трудно избежать соблазна. И ведь надо признать, каратиане не порвали с человечеством. Да, они стали иными, у них своя культура, появилось свое искусство, порой нам стало труднее понимать друг друга, но точки соприкосновения остались, Витольд!

Цехович покачал головой. Он был высок и худощав, на длинном лице его с крупным носом и острыми скулами, выделялись внимательные черные глаза, которые не добавляли ему красоты, но вместе с резкими чертами и полными чувственными губами придавали лицу особую выразительность.

— Андрей, — сказал он. — Мы уже встретили в галактике шесть разумных видов. Три из них — негуманоиды. Нам предстоит искать точки соприкосновения с ними, а вы предлагаете дробить человечество. Вместо того чтобы понять чужих, мы будем разбираться между собой. Не слишком логичное решение, верно? Кстати, что происходит в галактике? В Интеркоме нет четкого изложения случившегося. Вы тоже полагаете, что появился неведомый, но весьма могущественный враг?

Брызгин кивнул.

— Очень могущественный, — сказал он. — Он невидим и вездесущ. И он делает то, что хочет. Он не договаривается, он просто взрывает светила и уничтожает цивилизации. В его действиях нет логики, поэтому очень трудно понять, кто окажется следующей жертвой.

Цехович помолчал.

— Вот видите, — наконец сказал он. — Человечеству грозит опасность, тут уж не до дробления. надо выступать единым фронтом, а вы предлагаете совсем иное. Разве вы не чувствуете шаткости своей позиции?

Брызгин невесело хмыкнул.

— Может, еще по чашечке кофе? — предложил он. Сделав маленький глоток, возразил. — И опять вы меня не поняли, Витольд. Приспособляемость — это еще одна гарантия выживаемости человечества, если не как вида, то хотя бы как разумного начала. Если случится страшное, то пусть хоть что-то, хоть кто-то останется, чтобы рассказать жителям галактики о нас.

Цехович опустил свои живые выразительные глаза.

На вид ему было около сорока лет, но Брызгин хорошо знал — собеседник вдвое старше.

— Не так все мрачно, — сказал бывший учитель Андрея. — Выход всегда можно найти. Это как в истории о двух лягушках, которые оказались в банке со сметаной. Одна пришла в отчаяние от безысходности своего положения и немедленно утонула. Вторая барахталась до тех пор, пока не сбила сметану в масло и не выкарабкалась из банки. Я не знаю положения дел в галактике, но я знаю, что необходимо барахтаться, чтобы не утонуть.

— Вот именно, — без улыбки сказал Брызгин. — Но ведь я как раз и предлагаю возможный выход из ситуации. Это Совет ООН хочет уподобиться лягушке, которая заранее отказывается от борьбы.

Потом они долго бродили по песчаному берегу. Слева было море, а справа выселись прямые балтийские сосны с редкой кроной наверху. А потом они шли обратно, и теперь уже

море было справа, а слева темным чашеколом высились сосны, среди которых уже бродили мягкие сумраки. Он вспоминали прошлое, знакомых, но уже не касались темы, затронутой в уютном кафе.

Может быть, потому, что над ними в потемневшем небе уже загорелись первые звезды, и самой яркой из них была сверхновая Девланда, взорвавшаяся сорок лет назад, но только полгода как вспыхнувшая на земном небосклоне. Планеты легко отличить от звезд. Звезды мерцают, словно подмигивая нам, а планеты светят ровно и однотонно, в их свете нет загадки, а быть может, это Брызгину только казалось, ведь он точно знал, что планеты исследованы куда лучше звезд.

Потом Цехович попрощался с Андреем и Брызгин остался на берегу один. Некоторое время он сидел на прохладном гладком валуне, разглядывая звезды.

И Андрей невольно вспомнил об Армстронге.

Где-то по другую сторону океана, забросив свои сапфиры и яблони, сидел за компьютером старый человек, пытаясь догадаться, где скрывается враг и как его обнаружить. А быть может, Армстронг был сейчас в своем великолепном саду и смотрел, как и Брызгин, на звезды. Ведь он был очень старым человеком и вполне вероятно, что когда-то перенес вживление чипов в свой мозг, делающее этот мозг прекрасной вычислительной машиной. Это потом для активизации мыслительных процессов стали использоваться достижения генетики. В молодости Армстронга активизировать мозг можно было лишь хирургическим путем.

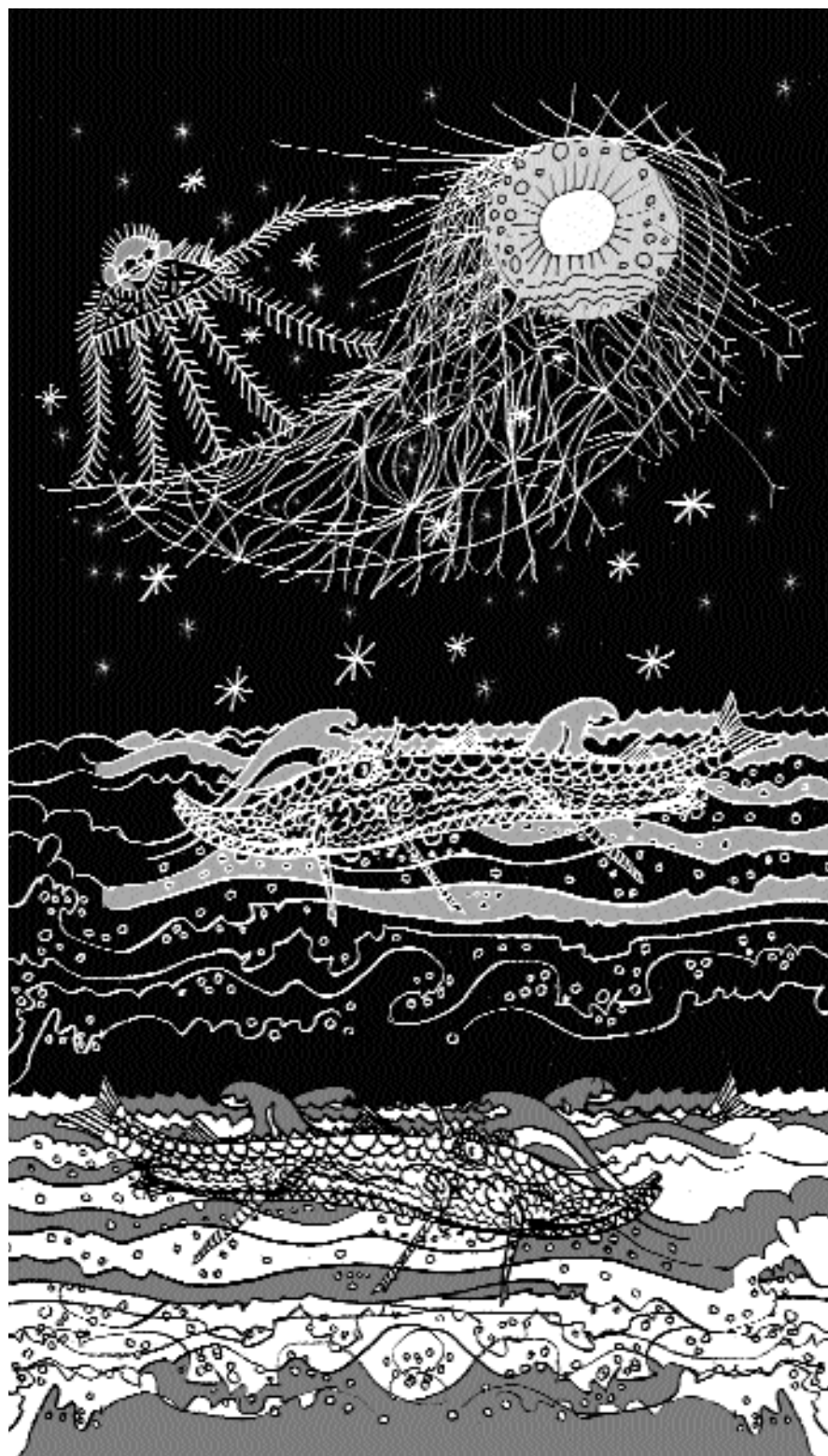
И Брызгин снова ощутил жалость к старику, который старался, но уже ничем не мог помочь новому миру в силу того, что безнадежно отстал от него.

3. Звездное небо на планетоиде, лишенном атмосферы, кажется необычайно ярким. Особенно если поблизости высвечивается многоцветный шар звездного скопления, пере-

витый цветными жгутами межзвездного газа.

Стоя на верхней палубе спейсрейдера «Хонкай» и глядя на пульсирующий звездный шар, капитан Дымов невольно размышлял о месте, которое было отведено во Вселенной земной цивилизации. Такие вот выходили у него немножечко грустные размышления. И совсем не утешало капитана, что сегодня земной корабль находился в нескольких десятках световых лет от родной системы. Не чувствовал себя капитан покорителем звездных океанов, напротив, было ощущение своей крошечности в этом мире. Вселенная, распахнувшая себя человечеству, пугала и притягивала одновременно.

Капитан побывал не в одной экспедиции, но именно в этой его не отпускало странное чувство тревоги, словно кто-то из глубины души Дымова предупреждал его о грядущих неприятностях, ожидающих экспедицию. Смысл предупреждений ускользал от капитана к великому его раздражению, и это порождало неуверенность, которую капитан иногда не мог скрыть от своей команды. А вот это тревожило больше всего. Команда должна быть уверена в своем капитане. И капитан должен верить каждому члену команды, как самому себе. Команда — единый организм, чувство неуверенности одного может отрицательно сказаться на всей команде. Дымов досадливо прогонял свои мысли, но они приходили в голову все чаще, а капитан доверял своей интуиции, она никогда не подводила его. Именно благодаря интуиции капитан своевременно увел спейсрейдер в 2247 от красного карлика Чиндрагутти. Увел и тем спас свою команду от жесткого излучения, рожденного магнитной бурей, сопровождавшей выброс гигантских протуберанцев светила. Психологи длительное время мучили капитана расспросами и исследованиями, но Дымов и сам не мог сказать, что именно заставило его нарушить планы экспедиции и стартовать на четыре дня раньше срока, не обратив никакого внимания на недо-

вольство физиков и космогонистов. Было неожиданное предчувствие, что они нашли на свою задницу приключения, которые так долго искали. Он воспользовался своим капитанским правом и стартовал раньше, чем это было предусмотрено программой. А магнитная буря началась спустя несколько дней, когда они уже были в точке тахиарда и готовились нырнуть в субпространство.

Подобным образом интуиция выручила его на Алемании. Почему он приказал выжечь вокруг корабля трехмильную зону безопасности, Дымов никогда не сумел бы объяснить. Ссылаться же на внутренний голос - а дело обстояло именно так - было вообще глупо. Биологи скрипели зубами, но Дымов и в этом неприятном начинании оказался прав, - особенно когда началась атака активной флоры на поставленные вне зоны безопасности базы. Несколько человек погибло, но экспедиция в целом оказалась вне опасности и все благодаря интуиции капитана, который не боялся быть смешным.

Постоянное ожидание опасности наложило свой отпечаток на внешность командира спейсрейдера «Хонкай». Пространство в принципе не любит толстяков. Алексей Дымов был сухошав, жилист и крепко, хотя и несколько грубовато скроен. Он всегда казался излишне сосредоточенным, удлиненное лицо его постоянно выглядело озабоченным, короткий ежик волос на голове делал озабоченность естественной.

Экспедиция к звезде М-3241 была запланирована не случайно. Предполагалось, что в окрестностях звезды находится небольшая «черная дыра», влияющая на светило. Как раз в это время в разгаре были споры между теми, кто хотел подобный объект разместить в солнечной системе и тем самым получить новый неисчерпаемый источник энергии, и между теми, кто предлагал с осуществлением этого проекта не особо спешить, ведь вполне могло получиться нечто неудачное, похожее на попытку изменить тече-

ние Гольфстрим, которая едва не привела к новому и не в пример более суровому, нежели природный, ледниковому периоду. Технически идея перемещения объекта была вполне осуществима: достаточно было на второй космической скорости ввести в субпространство один из астероидов, от которых польза была сомнительна, а звездоплавлению внутри системы они в достаточной степени мешали. Сверхмалая масса, сжатая субпространством до размеров электрона, приводила к рождению небольшой черной дыры, обладающей моментом вращения и зарядом. Черная дыра испускала в пространство реальные пары частица-античастица, которые, взаимно аннигилируя, давали необходимую энергию. С такой черной дыры можно было снимать объем энергии, в значительной степени превышающей всю энергию Солнца, но скептики предлагали не спешить. Технически исполнимая идея еще не обязательна к исполнению, утверждали они. Во-первых, изъятие крупного астероида из пояса изменит сложившееся равновесие. «Вам мало Икара? — ссылались они на огромные затраты по уничтожению печально знаменитого астероида, реально угрожавшего падением на Землю в конце двадцать второго века. — Так это будут семечки по сравнению с теми опасностями, которые могут вновь грозить Земле или другим планетам. Да и сам источник в смысле общественной безопасности весьма сомнителен. Только не надо ссылаться на физические формулы! Это будет похлеще ядерного или термоядерного оружия или, скажем, Чернобыльского или Нумидийского реактора. Создать «черную дыру» и оказаться заложниками собственной энергетической программы — это, знаете ли, для безнадежных идиотов.»

Господа физики всегда отличались экстравагантностью, но здесь они перешагнули своих предшественников. В случае ошибки получится гравитационная могила всему человечеству, а это уже не смешно. В подобных случаях необходимо апеллировать ко всему человечеству, но устраивать такие ре-

ферендумы слишком уж накладно, достаточным будет представить этот вопрос на рассмотрение Совета Безопасности ООН, пусть руководители соберутся, взвесят все за и против, можно надеяться, что у них хватит здравомыслия для принятия правильного решения. С одной стороны новый источник энергии означал возможность жить на порядок лучше, но с другой стороны, если за это, возможно, придется заплатить жизнями родных и близких, то, может быть, не стоит и перья тупить. В конце концов, есть термоядерные котлы российских физиков, вон уже их сколько по всей Европе! А решение пусть принимают потомки, они будут во многом умнее и мудрее нас. Им, значит, и карты в руки!

Вот в такой обстановке и было принято решение об экспедиции к М-3241. Если у звезды имеется «черная дыра», лучшую природную лабораторию и придумать невозможно. Изучайте, дорогие ученые, делайте свои выводы, а там посмотрим. Главное, чтобы ошибок допущено не было. Это только кажется, что Земля безразмерная и ее хватит на грядущие поколения. Неужели вас красноярская катастрофа ничему не научила?

Дымов представлял, как взвоят физики, когда он прикажет уводить спейсрейдер из системы. Но он ничего не мог поделать с растущим в глубине души чувством беспокойства, крошечный росток этого беспокойства прорастал, обретая очертания, и, наконец, Дымов объявил о принятом им решении.

— Слушайте, — не выдержал Франц Деммер. — Вы в своем уме, капитан? У нас программа, мы согласовывали ее с вами и тогда у вас не было возражений. Что случилось? У вас предчувствие? Тогда зачем вы отправились в космос? Сидели бы на Земле и предсказывали землетрясения. Там еще хватает легковверных дураков, которые с удовольствием прислушались бы к вам. Я — против поспешных решений и я требую, чтобы о наших разногласиях был поставлен в известность Совет.

Невысокий плотный, уже достаточно старый, но все еще не потерявший юношеской живности физик смотрел на капитана спейсрейдера с нескрываемым раздражением, к которому примешивалось вполне понятное удивление и легкое презрение к трусу, боящемуся неизвестно чего. Морщинистое лицо Деммера негодовало, но Дымов не винил физика в этом — окажись он сам в подобной ситуации, его собственное негодование было бы не меньше. Поэтому капитан позволил себе лишь слегка улыбнуться краешками тонких губ.

— А нет никаких разногласий, — хладнокровно сказал капитан Дымов. — На корабле команду я, и я принял решение, о котором ставлю вас в известность. И отвечать за принятое решение буду именно я, а не вы Франц. Работы сворачиваем, старт через двенадцать часов. Все могут быть свободны.

Он поднялся, всем своим видом показывая, что споров не будет.

Транспортный отсек был заблокирован еще до объявления Дымовым своего решения. Двенадцать часов требовалось для того, чтобы проверить готовность корабля к старту, рассчитать точку тахиарда и сориентировать корабль в пространстве. Это только кажется, что летать на спейсрапперах просто и легко, но даже непродолжительному полету обязательно предшествуют сложнейшие расчеты, иначе экипаж загонит корабль туда, откуда уже не выбраться. А таких пассажиров, ответственность за которых ощущал на себе капитан Дымов, было шестьдесят человек — вся научная экспедиция, превратившая десантный корабль в подобие лаборатории безумного доктора, где не было даже видимости привычного капитана порядка.

В споры никто не полез, слишком велик был авторитет капитана Дымова, но он не сомневался, что претензий Земле будет высказано с избытком. Некоторое время он даже сомневался в правильности принятого решения, теперь ему казалось, что он просто перестраховщик, подавший-

ся глупой панике. К чести капитана менять решения он не умел.

Ровно через двенадцать часов корабль ожил и сошел с постоянной орбиты вокруг звезды М-3241 и, медленно набирая скорость, устремился к расчетной точке сброса в тахиомир, до которой было шесть световых минут или час полета по собственному времени спейсрейдера.

До точки тахиарда оставалось около десяти минут собственного времени, когда красное ядрышко центрального светила системы изменило свои очертания. Оно стало заметно больше.

— Капитан! — ворвался в рубку начальник экспедиции. — Удивительно, но вы снова угадали! Я преклоняюсь перед вашим чутьем, вы дадите фору любой собаке и любому предсказателю! Мы проводим уникальные наблюдения! Это сверхновая, Дымов! И мы первые, кто наблюдает это явление в непосредственной близости. Мы можем немного задержаться?

Казалось, Деммер дрожит от возбуждения. Негодование и недовольство Дымовым уступило место возбужденному любопытству.

— Уникальная ситуация, — умоляюще сказал Деммер. — Капитан, я прошу вас. Мои ребята уже на своих постах. Хотя бы полчаса, слышите, всего полчаса!

Объясняя Деммеру всю сложность расчета точки тахиарда в незнакомой звездной системе было бесполезно. Физик просто не захотел бы слушать астролетчика, а вся накопившаяся в нем неприязнь к Дымову выплеснулась бы вновь - яростно и безнадежно. Из просителя Демамер немедленно превратился бы в непримиримого врага, поэтому Дымов не стал вступать с физиком в пререкания и объяснять ему, что новую точку вброса в тахиомир рассчитать будет очень сложно, не стал. В этой ситуации у любого капитана была одна единственная задача — сохранить корабль и людей. Запоздать со стартом у Сверхновой, что могло быть опаснее и неосмотрительнее? Капитан Дымов не стал вступать в пререкания с начальником экспедиции, он просто посоветовал

Деммеру занять место согласно штатного расписания и ввел в бортовик последние и окончательные команды, после чего повернулся к обзорному экрану.

Теперь вспыхнувшая звезда напоминала восьмерку, которую образовывали жгуты взбесившейся звездной плазмы. Медленно она расширялась во все стороны, вновь сливаясь в единый огненный шар, который, подобно мыльному пузырю, увеличивался в размерах.

Однако Дымов не дал себя увлечь удивительному зрелищу. Времени для этого не было. При старте счет идет на секунды.

В некотором отдалении от рождающейся Сверхновой возникла маленькая алая звездочка, которую через несколько минут поглотил накалывающийся огненный вал. Но опасность была уже позади.

Спейсрейдер «Хонкай» вошел в точку тахиарда, и теперь всего несколько часов собственного времени отделяли его от ближайшей базы звездного флота, удаленной от системы М-3241 на пять световых лет.

Глава вторая

1. База звездного флота располагалась в системе Аристеми.

Система была обитаемой — на второй от звезды планете жили расы ихтиоров и паукан. Разумеется, так их называли земляне, сами симбиоты именовали себя народами двух матерей, но произнести это туземное сочетание звуков было, пожалуй, не под силу любому землянину. Ихтиоры жили в мелких прогреваемых голубым светилом океанах планеты и напоминали внешним видом земных кальмаров. Селились они на многочисленных коралловых рифах, выламывая могучими щупальцами целые анфилады причудливых помещений в теле рифа. Со временем, обретя разум, начали использовать кораллы уже целенаправленно, выращивая на дне океана неприступные крепости. Поклонялись Морской Бездне и оби-

тавшему в ней Великому Черному. У ихтиоров было развито ремесленничество, искусство было бедным, и выделялись лишь красочные живые панно, которые создавались из разноцветных животных, похожих на земных актиний, и духовые оркестры, в которых музыканты играли на специально обработанных витых раковинах, выталкивая воздух кольцевыми мускулами, используемые обычно в качестве движителей.

Паукане жили на островах единственного на планете архипелага. Внешне они напоминали странных пушистых пауков с клешнями. Отсюда возникло и название. Паукане были двоякодышащими и постепенно начинали осваивать мелководье. Из-за мелководья между ними и ихтиорами разгорелась война, в которой никто не мог одержать верх.

Паукане называли свою планету Ярканом, что означало родовую паутину. Ихтиоры считали ее Сладкой водой. Так что и в этом они не сходились.

Земляне появились на планете, когда междоусобица была в самом разгаре. Ксенологам, установившим контакт с обеими расами, пришлось немало потрудиться, чтобы воители заключили перемирие. Земные способы производства продовольствия казались пауканам и ихтиорам настоящим чудом, никто из них не мог поверить, что все это изобилие, которое стало с прилетом землян нормой жизни, производится микрокибернетическими системами из воздуха, а потому ихтиоры почитали землян за колдунов Великого Черного, приславшего их из Морской бездны, чтобы внести смуту в умы морских обитателей, а паукане считали тех же самых землян жителями звездной паутины, населяющими звездный шар, видимый в ясные ночи рядом с большой красной луной.

В космос ни одна из этих рас в обозримой перспективе попасть не могла, поэтому рассказы ксенологов о строении галактики и звезд воспринимались ихтиорами и пауканами с полным недоверием, и это недоверие даже послужило причиной тому, что-

бы прежние разногласия народов двух матерей забылись.

Земная станция повисла в пространстве над планетой еще одной лунной, но аборигенов добавившееся на небосклоне белесое пятно не смущало — вокруг планеты обращалось шесть спутников и наличие еще одного ничего особенного в жизнь местных обывателей не вносило.

Они даже позволили землянам организовать на одном из островов базу отдыха. Ихтиоры с охотой принимали участие в забавах землян, особенно в катании на водных лыжах. Было забавно наблюдать, как стремительные ихтиоры соревновались в гонках с водными мотоциклами и скуттерами, из усердия высасывая из воды и проносясь над морем несколько десятков метров.

У паукан на продукты можно было выменять удивительно тонкую и теплую ткань из паутины. Ткань была прочной и имела десятки самых разнообразных свойств, а окрашена она была в самые фантастические цвета — арахы, для того, чтобы добиться нужного окраса ткани, употребляли разнообразные фрукты. Одно время было даже очень модно шеголять в костюмах из паутины, которая вдобавок к носкости обладала еще и целебными свойствами.

Сейчас, когда астрофизики коротали время на базе отдыха, демонстративно покинув спейсрейдер Дымова, капитан оставался на корабле. Молекулярные кибы вылизывали корабль снаружи и изнутри, уничтожая оставшийся после астрофизиков мусор и временно приводя обшивку спейсрейдера в порядок. Если внутри корабля нанороботы себя ничем не проявляли, то снаружи, особенно на расстоянии, они выглядели легким туманным облачком, равномерно окружившим огромный диск спейсрейдера.

Рядом с «Хонкаем» висело два транспортных корабля, доставивших в систему Аристеи необходимое оборудование.

Капитан Дымов впервые за всю свою космическую карьеру видел, как гибнет мир, пусть даже безжизнен-

ный. Зрелище это потрясло капитана. Теперь он хорошо представлял, что чувствовали жители погибших миров, когда их светила неожиданно вспули и облаком горячей плазмы устремились в пространство, слизывая жизнь с непрочных оболочек планет.

Полетное время Дымова подходило к концу, возраст уже давал о себе знать. Приближалось время возвращения на Землю. Нет, капитан Дымов знал, что безделье ему не грозит — в крайнем случае, Академия астронавтики всегда примет его с распростертыми объятиями. Кто-то ведь должен передавать опыт молодежи! А опыта капитану Дымову было не занимать. За двадцать семь лет в пространстве капитан повидал многое.

Закончив работу на корабле, Алексей Дымов спустился на поверхность планеты.

Он любил бывать на планете, которую для себя называл Ярканом. А все потому, что на поверхности планеты у него был хороший знакомый из аборигенов, а поскольку он был пауканином, Дымов привык называть планету по паукански.

В системе Аристымы корабль Дымова бывал нечасто, однако дружеские взаимоотношения с пауканином не исчезали, напротив — с годами они становились прочнее. Как родовая паутина аборигенов. Дымов даже привязался к Кр-хи, поэтому встреча с пауканином получилась, как всегда, немного забавной и радостной. Со временем капитан научился безошибочно выделять Кр-хи среди сородичей по родовым пятнам на брюшке, как Кр-хи узнавал из землян Дымова, можно было только догадываться.

За годы странствий Дымова родовая паутина Кр-хи стала значительно обширней и обрела багряный цвет. Дымов не знал, что это значит, возможно, цвет символизировал обеспеченность ее обитателя, как гербы у старинной земной знати. В центре паутины, если присмотреться внимательно, можно было заметить утолщение, напоминающее стилизованного черного паука, брюшко которого

отливалось серебром из-за множества тщательно наклеенных кристалликов кварца. Кр-хи явно располнел. Хитиновое сочленение, соединяющее волосатое брюшко с головогрудью стало еще больше, а само брюшко покрылось малиновыми же пятнами, красиво оттененными бархатом черных и жестких волос.

— Все колдуешь? — спросил Кр-хи, устраиваясь на паутине поудобнее. — Каким ветром занесло на Яркан твою паутину?

Дымов не раз рассказывал пауканину о космосе, звездах и путешествиях землян, но пауканин продолжал упрямо считать пространство над головой одним большим небом, по которому летают земляне на летательных паутинах. Летают и колдуют себе помаленьку.

— Как дела? — снова спросил Кр-хи. — Здоров ли выводок? Хватает ли слюны? Нет ли дырок в твоей паутине?

Ситуация была забавной, но пауканин задавал традиционные вопросы, интересуясь здоровьем Дымова и его семьи, поэтому капитан вполне серьезно ответил, что с выводком все в порядке, слюны, слава звездному Пауку, пока еще хватает и паутина его в полном порядке.

В свою очередь он поинтересовался, хватает ли Кр-хи добычи на время холодов, не холодна ли почва вокруг паутины для будущего кладок, и пауканин так же серьезно ответил, что и земля достаточно тепла, и добычи хватает, отмель богата рыбой, воздух насекомыми, и Дымов пожелал, чтобы так было всегда.

— На наш клайд хватит, — сказал пауканин и, оказывая Дымову обычное полное доверие, покинул паутину.

Они посидели немного на берегу.

Море за песчаными отмелями сливалось с небом, аквамариновая с блестками мелких волн вода была теплой, и где-то за отмелями резвилась стайка ихтиоров — из-за расстояния трудно было разобрать, взрослые ли это занимаются рыбной ловлей или подростки играют в салки.

— Мокрые, — неодобрительно сказал, глядя на прыжки ихтиоров,

Кр-хи. — Мокрые и скользкие. Противные. Нельзя жить без своей паутины, нельзя!

Подобное Алексею Дымову пришлось выслушивать почти каждый визит.

Ксенологи обязательно обнаружили бы у Кр-хи какие-нибудь мудреные комплексы, но Дымов считал, что пауканин просто расист, похожий на тех, что раньше встречались на Земле и презирали людей с другим цветом кожи. Ихтиоров Кр-хи не то, чтобы ненавидел, но открыто недолго любил. Он их считал за недоразвитых паукан.

— Смотри, — загибал он когти на средних лапах, свободных от клешней. — Головогрудь есть? Есть! А брюшко? Брюшка — нет. И жвала длинные, и глаз меньше. Таким количеством глаз можно что-то увидеть в воде? Никогда не увидишь!

И убедить его было невозможно, что ихтиоры живут ближе к глубинам, где вода не засорена песком как на отмелях, а чиста и прозрачна, как воздух.

— И волос у них нет, — отмечал пауканин. — Нет волос, нет родовых пятен. Как тебя узнать друзьям и знакомым? Вот и вы тоже... Я на тебя смотрю, не пойму, как вы друг друга отличаете? По искусственным шкурам? И железы у вас закрыты. А если железы закрыты, как вы самок подманиваете?

Мудрецом становился Кр-хи на своей багряной паутине.

Вот уже и философствовать начал, вопросы в его головогрудь появляться стали. А еще несколько лет назад, когда они только подружились, Кр-хи был обычным бойким паучком, которому больше всего хотелось не размышлять, а летать на осенних паутинах или нырять на отмелях в поисках вкусных ракушек и морских улиток. Правда, рассказывать о своих приключениях Кр-хи и тогда любил, и, как ни странно, даже привирал при этом, хотя обычно паукане склонны были к коротким и точным рассказам без каких-либо фантазий.

Однажды Дымов спросил Кр-хи, за что он так не любит ихтиоров.

— Наглые, — сказал Кр-хи. — Бесовестные. Мало им воды, они уже на сушу лезут. Суша нужна пауканам, отдели то же нужны пауканам. Хотят жить, пусть идут туда, где солнце садится.

Поначалу Дымов посчитал эти высказывания знакомого за обычные упреки жителя суши, который привык считать прибрежные отмели своими и не был намерен с кем-нибудь их делить. Да что там делить, обсуждать даже возможность такого раздела не хотел! Но через некоторое время выяснилось, что упреки паукан были в какой-то мере оправданными. Ксенологи обнаружили на суше в нескольких километрах от ближайшего берега несколько ихтиоров, передвигающихся на шупальцах. Жаберные мешки их были забиты мокрыми водорослями, похоже, что в ихтиорах постепенно просыпалось все то же любопытство, которое когда-то гнало на утлых суденышках людей в океан и потом на примитивных ракетах погнало их за пределы земной атмосферы. Это любопытство было средним любопытству самих ихтиоров, которые в период осенних ветров ухитрились перебраться с острова на остров на нехитрых летучих паутинах. Но за своими сородичами пауканин признавал право на подобные путешествия, а ихтиорам он в этом отказывал.

Еще Кр-хи злился, когда ихтиоры рвали его подводную паутину, поставленную на отмелях для ловли мальков. Ихтиоры вообще не признавали никаких иных форм охоты кроме той, что была основана на быстроте и ловкости охотника. Поэтому частые сетки паукан они уничтожали безо всякого сожаления и даже не извинялись перед хозяевами, а нахально заявляли, что приходил из глубин Великий Черный, он-то эти самые сетки и попортил. Великого Черного никогда и никто не видел, это был миф, созданный ихтиорами, им пугали детей, а саму смерть дети океанских просторов называли уходом к Великому. Старый ихтиор, чувствуя приближение смерти, уплывал в открытый океан, и уже никогда не возвращался. Поэтому да-

же среди самих обитателей моря мало кто видел процесс умирания. У паукан было совсем иначе — глава многочисленного рода умирал на паутине в окружении многочисленных родственников, потом близкие тщательно пеленали его в паутину и подвешивали кокон на самом высоком дереве. Там он висел до осенних ветров, а когда его уносило, паукане говорили, что умершего забрал Звездный паук.

Удивительно, но одно из самых ярких созвездий на небосклоне Яркана и в самом деле напоминало раскинувшуюся лапы паука на мелкой и частой паутине Млечного Пути, который здесь был особенно ярким.

Паукане в отличие от ихтиоров видели звезды.

— Не видят неба, — подтвердил Кр-хи. — Неполноценные.

— Ладно тебе, — проворчал Дымов. — Для тебя каждый, кто не похож на пауканина и не имеет своего яркана, неполноценный. Лучше расскажи, куда летал прошлой осенью. Ты ведь летал?

В глазах пауканина появился красноватый отблеск.

— Летал, — подтвердил Кр-хи. — Очень далеко летал. За старым архипелагом был. Много видел.

Четыре года назад подводное землетрясение и подвижки геологических пластов привели к появлению новой группы островов на сто километров южнее архипелага, но Дымов даже не предполагал, что паукане могут туда добраться на своих воздушных непрочных приспособлениях, а тем более вернуться назад. Он с уважением посмотрел на Кр-хи. Что и говорить, мужества и храбрости этому существу было не занимать.

— Что там, на новых островах? — просто для поддержания беседы спросил Дымов.

— Плохо живут, — проскрипел Кр-хи. — Неправильно живут.

— Паукане? — спросил капитан Дымов.

— Предатели, — сказал пауканин. — Неправильно живут. Паукане живут на суше, скользкие должны жить в воде. Нельзя дружить со скользкими,

которые рвут паутину и угоняют рыбу с отмелей.

Твои сородичи подружились с ихтиорами? — для Дымова это было новостью, местные ксенологи об этом наверняка знали, но сообщений о каких-либо взаимоотношениях ихтиоров и паукан, кроме самых неприязненных, Дымов не слышал.

Кр-хи смотрел на море. Мохнатые лапы его машинально вывязывали из паутины что-то узловатое и бесформенное — для пауканина это было знаком крайнего раздражения.

— Скользкие возят паукан. Молодым пауканам нравится кататься на скользких. Скользким нравится возить молодых паукан, — печально проскрежетал Кр-хи. — Падение нравов. Нельзя иметь дело со скользкими и безволосыми, нельзя забывать заветы Звездного Паука. Молодые забывают. Поэтому и мир рушится. Скоро не будет ни паукан, ни безволосых. Все потому, что молодые не помнят законов.

— Не надо принимать все близко к жвалам, — сказал капитан Дымов. — У нас на Земле уже столько лет говорят, что каждое молодое поколение хуже предыдущего. Но ведь не деградировали, к звездам летаем!

Кр-хи недоверчиво посмотрел на землянина.

— Колдуны живут своим путем, скользкие и безволосые своим, а паукане должны жить заветами предков. Предки говорили, что паутина должна быть прочной, потомство крепким и здоровым, а другом пауканина может быть только другой пауканин. Безволосый и скользкий другом быть не может.

— Здравствуйте! — озадаченно сказал землянин. — А как же мы с тобой, Кр-хи? Я считал, что у нас с тобой дружба, но я ведь не пауканин. Что же получается? Ты меня используешь?

— Кр-хи использует колдуна, — сказал абориген и надменно выставил жвала. — У колдунов всегда много хорошей и вкусной еды, колдуны умеют слушать и колдуны знают, где живет Звездный паук. Кр-хи попросит

колдуна, колдун попросит Звездного паука, а тот сделает так, что Кр-хи будет жить долго.

— Да-а, — озадаченно протянул капитан Дымов.

Некоторое время оба молчали. Пауканин неудобно сидел, выставив вперед брюшко, и машинально почесывал его тремя лапами. Молчание было неловким и тягостным.

Пауканин заскрежетал жвалами, тронул Дымова мохнатой лапой и прошипел:

— Кр-хи пошутил. Колдун должен смеяться.

2. Катамаран под названием «Летучая рыбка» покачивался на волнах.

С севера дул свежий ветерок, поднимая небольшие волны, синие небеса краями своей огромной чаши легли на линию горизонта, и виднелся вдаль белый атолл с зонтиками крошечных из-за расстояния пальм.

— Катамаран — это дань традиции? — спросил Брызгин.

— Из соображения удобства, — взмахнув спиннингом, отозвался Джефферс. — На волне качает меньше, да и площади полезной вдвое больше. Я на нем два раза в шторм попадал, был бы на лодке — точно бы утонул, а на катамаране...

Андрей проследил взглядом за полетом утяжеленной блесны и откинулся в шезлонге. Джефферсу не пришлось долго уговаривать его поехать на рыбную ловлю. Оказавшись в море, Брызгин понял, что согласился правильно. Покой и безмятежность были в морском просторе — то, чего ему так не хватало у звезд.

С Джефферсом они вместе учились в швейцарском Грюнхаузе, потом поступили в университет. Но Брызгина потянуло к звездам, а Джефферсу хватало места и на Земле. Он стал подводным археологом и мечтал найти в океане и восстановить под водой в прежнем виде лемурийский храм, о котором узнал, изучая рукописи, хранящиеся в ватиканской библиотеке. Место там было указано столь приблизительно, что поиски прихо-

дилось вести на площади около тысячи двухсот морских миль, но Джефферс не унывал — за два года поисков он обнаружил два испанских галиона, которые довольно хорошо сохранились на песчаном дне впадины Откибу, да и сама впадина привлекла к себе внимание ученых — даже камни вокруг обрастали кораллами, водорослями и ракушками, а галионы на дне впадины оставались чистыми, словно только что затонули.

Некоторое время Брызгин наблюдал за Джефферсом. Худощавый, жилистый и загорелый до черноты Том Джефферс неумоимо и безуспешно метал блесну, переходя от борта к борту. На лице его жили досада и азарт — как же, пообещал другу мясо макрели или тунца в бататовых листьях, а тут сплошные неудачные забросы, даже мелкие акулы, славящиеся своей жадной тупостью, и те не зарились на блесну.

Утреннее солнце нежно гладило лучами лицо Брызгина, и Андрей задремал, но уснуть ему не дал восторженный возглас Джефферса: «Есть!»

Конец спиннинга дергался, леса, уходящая в море, натянулась и ходила из стороны в сторону, а Джефферс лихорадочно сматывал леску, приближая добычу к катамарану.

— Возьми багорик! — сдавленно сказал он.

Брызгин пошарил глазами по сторонам, наклонился и поднял хромированный и оттого блестящий багорик, более похожий на хирургический инструмент, нежели на приспособление для рыбной ловли.

Джефферс изогнулся и, перехватившись, бросил на палубу крупную рыбину. Чешуя рыбины отливала пурпуром, у нее был золотистый хвост и такого же невероятного цвета длинный плавник на спине. Рыбина билась на белой палубе и хватала широко открытым ртом воздух.

Рыбак вырвал из рук растерявшегося товарища багорик и ловко ударил рыбу по голове. Пойманная рыбина затихла, только трепетали еще плавники, а цвет чешуи медленно менял оттенки, переливался на солнце, постепенно становясь серебристо-серым.

— Хорошенький экземпляр, — сказал Джефферс. — Смотри, Андрияша, это и есть золотая макрель. Редкая, между прочим, добыча. Ты знаешь, она ведь на лету охотится за летучими рыбами.

Он с усилием поднял макрель за жабры. Худошавое лицо его осветилось улыбкой.

— Отправимся на атолл, — сказал он. — Крабов я тебе обещаю, морских гребешков там полно. Так что ланч у нас будет просто замечательный. Салат из морской капусты когда-нибудь ел, или вы, как всякие небожители, искусственной пищей пробавляетесь?

Брызгин промолчал. Ловкость, с которой Том Джефферс убил рыбину, вызывала у Андрея неприязнь. Ему было жалко великолепной макрели, которая совсем недавно стремительно и беззаботно рассекала океанскую глубину.

— Будет тебе уха, — приговаривал Джефферс, ловко подвешивая рыбину под навесом, устроенным на палубе. — Если повезет, поймаем осьминога, тогда я тебе...

С осьминогом им не повезло, но крабов и морских гребешков и устриц, как и обещал Джефферс, оказалось несчетно.

К полудню солнце палило уже совсем нещадно.

Океан успокоился и был неподвижен, как вода в тарелке. Из голубовато-зеленых глубин медленно всплывали белесые медузы. Зрелище было захватывающее. Всплывающие медузы напоминали экзосферные протуберанцы на Протагоре, только не отрывались они от поверхности океана и не уносились в пространство, сжигая все на своем пути.

— Что-то медуз много, — проворчал Джефферс. — И макрель... Говорят, золотая макрель всегда появляется при волнении океана и является предвестницей шторма. Ты не слышал, что сегодня в новостях о погоде говорили?

— Запроси Информ, — лениво сказал Брызгин.

Чувство раздражения уже прошло и на смену ему пришло чувство удовлетворенности и сытого покоя.

— А чего запрашивать? — махнул рукой Джефферс. — Если бы что-то надвигалось, нас бы с утра предупредили. Пошли купаться?

Вода в лагуне была прозрачной и теплой, нырнув, можно было увидеть, как среди колышущихся подводных лесов кипит своя жизнь, которой не было никакого дела до двух пришельцев, незвано вторгшихся в пределы ее обитания. Брызгин любовался разноцветными актиниями, стадами черных, золотистых и каких-то крапчатых мелких рыбок, которые сновали среди длинных колышущихся листьев морской капусты.

Некоторое время неподалеку кружила небольшая остроносая акула, сопровождаемая двумя полосатыми лощманами, которые бесцеремонно подплыли к Брызгину, потыкались в него носами и, вернувшись к хозяйке, доложили, что добыча ей не по зубам. После этого акула потеряла всякий интерес к купающимся и поплыла по своим неотложным делам, напоминая рассудительного охотника, впереди которого бегут два глупых и азартных пса.

Вторую половину дня Брызгин и Джефферс провели в каюте, наслаждаясь микроклиматом. Они много вспоминали о друзьях и случившихся когда-то событиях, рассказывали друг другу о своей работе, при этом Том Джефферс делал это так увлекательно, что Брызгин почувствовал мимолетную зависть к товарищу.

— Представляешь? — рассказывал Джефферс. — На глубине пятисот метров и светло. Вокруг зеленоватая мгла, в которой вспыхивают искры каракатиц, и вдруг из этой зеленоватой тьмы выплывают мачты. Парусов, конечно, не сохранилось, но дерево стало камнем. Умели строить когда-то!

На второй день мы нашли пролом в днище, и попали в трюм.

Темнота беспросветная, мерцают фонарики, а потом в луч фонаря попадает статуя крылатого змея. Конечно же, Кецалькоатль, пернатый бог майя, я это сразу понял. Ты представляешь, Андрей, на его золотых одеждах аквамарины были выполнены облака, а рубинами — кресты.

И еще мы нашли тот самый крест, о котором упоминалось в рукописи Борджиа, крест этот был выполнен из единого куса прекрасной яшмы. На нем драгоценными камнями был изображен бог, причем, ты представляешь, лицо его сделано из черной яшмы. Вот и думай, откуда крест у майя взялся, кто его в Центральную Америку впервые принес?

Брызгин ничего не слышал о рукописи Борджиа, мельком слышал о пернатом боге древних индейцев, но рассказ Джеффера вызывал у него живой интерес. Может, все дело было в рассказике, но, скорее всего, слушающая Тома, Андрей отдыхал от своих пространственных забот. Рассказ Джеффера был как уголек в камине после кипучего и наполненного событиями трудного дня.

Вместе с тем, какое-то странное беспокойство жило в душе Брызгина, и Андрей никак не мог понять причин этого беспокойства.

Ближе к вечеру они вновь выбрались на палубу.

Жара спала.

Море по-прежнему оставалось спокойным.

Огромный красный диск солнца уже коснулся краем поверхности океана, окрашивая воду в свинцово-черный цвет. В небе повисли первые звезды. Здесь, у экватора, они были особенно яркие. На западе, там, где располагались многочисленные и обжитые острова, неожиданно вспыхнула огромная россыпь разноцветных огней.

— Фейерверк, — сказал Джефферс. — Жители Акваграда отмечают столетие со дня основания города.

3. Черную дыру невозможно увидеть, на наличие дыры реагируют приборы, а еще о самом существовании ее можно догадаться по излучению падающего на нее вещества. Чем больше вещества, тем мощнее рентгеновское излучение, выбрасываемое невидимым источником. После вспышки Сверхновой образуется черная дыра, если только гравитация пе-

ресилила давление газа. В противном случае получился бы белый карлик или нейтронная звезда.

— Еще в двадцатом веке, — сказал Деммер, — Гриндлей и Гурский пришли к выводу, что в центре звездного скопления NGC 6624 находится массивная черная дыра. И они оказались правы.

Теперь можно спросить, какова возможность случайного образования этой черной дыры? И мы должны прямо сказать — в Галактике идет война. Трудно определить, скорее даже невозможно сказать, кто и с кем воюет, мы наблюдаем только безжалостные последствия этой войны. Гибнут миры, но ничего нельзя сделать. Человечество бессильно. Это все равно, что бороться со Вселенной.

Мы могли бы сделать прекрасные наблюдения, которые могли бы что-то прояснить нам в механизме оружия, которое применяется в звездных битвах, но некоторые перестраховщики не дали нам этого сделать.

Камешек был в огороде капитана Дымова, но тот благоразумно промолчал.

— Энергия, — сказал Деммер. — Сами понимаете, вот это и есть главное, для чего мы здесь собрались. Барьером для развития человечества являются энергетические уровни, а если говорить проще, то мы можем ровно столько, сколько нам позволяют запасы энергии, которыми владеет человечество. Эксперимент необходимо продолжить. Мы можем гасить и зажигать звезды, но для этого нам надо перешагнуть сегодняшний энергетический барьер.

— Кто-то их уже гасит, — мрачно сказал астрофизик Цагерт. — И как гасит!

Алексей Дымов не был специалистом, специфические термины профессионалов были ему непонятны. Он знал одно: как только прекращается процесс сжигания кислорода, звезда начинает стремительно сжиматься, и снова внутри звезды начинают возрастать давление, плотность и температура. При определенных условиях, после того как звезда израсходует вслед за во-

дорогом гелий, включаются термоядерные реакции, при которых сжигаются углерод, водород и кремний, а рождаются тяжелые элементы. Звезда становится нестабильной и когда нестабильность превосходит все разумные пределы, звезда находит конец в грандиозном взрыве. В пространстве вспыхивает Сверхновая. От звезды остается выгоревшая сердцевина, которая продолжает сжиматься и звезда превращается в белый карлик.

Однако для белого карлика существует предельная граница — давление вырожденных электронов, уплотненных до предела, называемого принципом запрета Паули, может поддерживать вещество мертвой звезды, если она не превышает в своей массе сто двадцать пять процентов солнечной. Звезды массой до двух солнечных сжимаются до пределов, когда электроны, вдавленные внутрь атомных ядер, соединяются с протонами и рождают нейтрино. Давление вырожденных нейтрино также останавливает дальнейшее сжатие звезды, и она становится нейтронной.

Но солнца еще более массивные, такие, как Аристема, не могут стать белым карликом или нейтронной звездой. Ее масса превышает предел Чандрасекара. Не может она стать и пульсаром, ведь ее масса слишком велика, чтобы ее могло выдержать давление вырожденного нейтронного газа. Направленная вовнутрь сила не встречает достойного сопротивления. Нарастает искривление пространства-времени, и наступает момент, когда сжатая до поперечника в несколько километров звезда сворачивает вокруг себя пространственно-временной континуум и исчезает, оставляя вместо себя черную дыру.

Неизвестный враг пользовался оружием, позволяющим ускорить процессы превращения звезды в черную дыру. Физики лишь разводили руками: они не знали никаких сил, которые смогли бы поддерживать вещество звезды, превращающейся в черную дыру. Они были бессильны оказывать сопротивление агрессору.

— Мы даже не можем представить

себе существ, которые подобным оружием пользуются, — удрученно сказал Цагерт. — Если бы не живущий во мне скептицизм, я бы полагал, что мы столкнулись с деятельностью богов-демиургов. То, что происходит во Вселенной, более согласовывается с этой гипотезой.

— Тогда пусть кто-нибудь мне объяснит, почему эти боги делают объектом своего внимания определенные типы звезд? Какая им разница, станет ли звезда черной дырой, белым карликом или нейтронной?

— Выходит, разница есть, — сказал Цагерт, не обращая внимания на колкость и язвительность слов собеседника. — Если это боги, то, что мы знаем о целях, которые они ставят перед собой.

— Мертвые звезды, — сказал Даммер, покачивая головой. — Вселенная должна стремиться к самопознанию, в таких условиях само существование мертвых звезд лишено смысла.

Они посидели, задумчиво глядя на наполненные рюмки.

— Ты говоришь — новый энергетический уровень, — сказал Цагерт.

Русоволосый, плечистый, спортивно подтянутый, как все швейцарцы, выросшие на горных склонах Альп, Цагерт внушал уверенность, тем более странно было слушать то, что он говорил. — Надо сначала определиться в целях человечества, а уж потом брать вставший перед ним барьер. Для чего человеку энергия?

— Для того чтобы совершенствоваться дальше.

Дымов скорее согласился бы с Цагертом. За стремлением идти вперед должно что-то стоять. Само движение никогда не может быть самоцелью. Даже если будет возможным гасить и зажигать звезды, прежде всего надо хорошенько уяснить, для чего их будут зажигать или гасить. Он сказал это вслух и естественно, что разговор вернулся к врагу, так непонятно объяснившемуся на галактических просторах. О целях его говорить было трудно, мог ли этот враг зажигать звезды, тоже никто не знал, но вот гасить звезды — это идущий по

галактике агрессор мог даже слишком хорошо.

— Нет, погасить звезду мы еще не можем, — сказал Деммер. — А вот зажечь заново вполне возможно. Если мы научились создавать вращающиеся керровские черные дыры и обозначили их, как возможный новый источник для человечества, то и с задачей создания новых солнц мы можем справиться. Достаточно выбрать черную дыру точкой тахиарда и до определенного уровня бомбардировать сингулярность массой, то при достижении предела Хогланда черная дыра взорвется и вновь превратится в звезду.

— Хорошая работа — зажигать звезды, — улынулся капитан Дымов. — Рождение всегда лучше смерти.

Глава третья

1. Брызгина разбудил грохот прибоя.

Джефферс уже не спал. Обрамленное шкиперской бородкой лицо его выглядело озабоченным.

— Кажется, у нас неприятность, — торопливо сказал он. — Хорошо, что ты проснулся Андрей. Я уже собирался тебя будить. Надвигается шторм.

— Разве были предупреждения? — Брызгин неторопливо поднялся, натягивая костюм.

— Не понимаю, — Джефферс торопливо и беспорядочно швырял в мешок все, что днем послужило для их отдыха. — Спутники отметили возмущения только сейчас, до этого Информ пребывал в безмятежности. Никто даже не подозревал, что возможен шторм. Помогите мне собраться, Андрей, на нашем катамаране мы будем в большей безопасности.

— Вот тебе и Служба Погоды, — язвительно сказал Брызгин. — Правы те, кто утверждал, что метеопрогноз подобен гаданию на кофейной гуще — порой даже говорят, что результаты гадания более точны.

Автомат отвел катамаран от опасного берега.

Луна в разрывах низких стремим-

тельных туч высветила черный океан и при слабом свете ее было видно, как волны швыряют белый катамаран, время от времени накрывая его шипящими волнами. Волны постепенно становились все выше, кипя белыми шапками, они накатывались на островок, заливая его, и откатывались назад журчащими струями. Порывистый шквальный ветер заставлял шумно трепетать лству пальм, время от времени слышался твердый стук о песок сорванных ветром кокосов.

— Обещают двенадцать баллов, — озабоченно крикнул Джефферс. — Это много, Андрей. Это очень много! И это очень плохо! Боюсь, наша «Рыбка» не сможет подойти к атоллу. Слишком велика вероятность получить повреждения.

— Вызовем спасателей? — хладнокровно предложил Брызгин.

Ситуация не казалась ему слишком опасной. По крайней мере, в космосе он сталкивался с более серьезными угрозами. Да и чего было бояться на обжитой старушке Земле, если в любой момент на помощь могли прийти спасатели из Акваграда, откуда до атолла было не более семи минут лету. Спутники всепланетного Информа наверняка уже засекли сигналы браслетов и сообщили о в Службу Спасения о ситуации, в которой оказались двое незадачливых отдыхающих. Теперь только деликатность и уважение к личности не позволяли спасателям прийти этим отдыхающим на помощь без предварительного вызова с их стороны.

Похоже, нечто подобное ощущал и Том Джефферс. На вопрос Брызгина он отрицательно покачал головой.

— Ни в коем случае, Андрюша. Я не хочу стать посмешищем в своем коллективе. Скажут, что Джефферс уписался при первом сильном порыве ветра и принялся звать на помощь. Справимся сами!

Снова дунул порывистый ветер, прижимающий людей к песку.

Послышался треск и дробный стук бьющихся о песок орехов.

Где-то далеко на востоке полыхнула

зарница, луна вновь скрылась в низких лохматых тучах. Над атоллом пронесся пронизывающий шквал, словно огромный великан дул в попытке смести с острова все, что на нем было.

Катамаран маневрировал у берега.

Автоматы судна не были способны на риск, они удерживали яхту у опасного берега и маневрировали, выжидая безопасного момента для причаливания. Но его просто не было.

— Придется вплавать, — хрипло сказал Джефферс. Глаза его неестественно и оживленно блестели в царившей на острове полутьме.

— Том, у тебя все нормально с головой? — крикнул Брызгин. — Да нас унесет раньше, чем мы достигнем катамарана!

— Что ты предлагаешь? — перекрывая ветер, крикнул Джефферс.

— Надо вызывать спасателей! Я понимаю, безумство храбрых, и все такое! К черту, Том! Это уже не трусость, это всего лишь разумная осторожность! Вызывай Службу Спасения!

Джефферс лег на песок.

Лунный свет высвещал его бледное бородатое лицо.

— В данном случае мы подвергнем неоправданному риску других, — сказал он. — Сюда еще надо добраться, Андрей! Идиот! Ну какого черта я потащил тебя на эту прогулку!

Ветер все усилвался, он сгребал в клубящиеся горсти песок и швырял им в пальмы и людей. Катамаран, который не мог уйти от острова, на котором еще оставались хозяева, продолжал маневрировать, ревя двигателями на предельных оборотах. Неожиданно высокая черная волна с белыми водоворотами пены по кромке подхватила судно и понесла его прямо на пальмы. Раздался треск. Брызгин закрыл глаза.

«Доигрались, — подумал он. — Нет, Том прав, мы — идиоты!»

Постепенно светлело.

Где-то на востоке невидимое за тучами всходило солнце. Рассвета не было видно, но тьма окружающая их начала заметно блекнуть.

Одна часть разорванного надвое

катамарана повисла на пальмах. Вторая — чернея трюмом, который обнажила огромная рваная дыра, валялась на песке. Бортовые огни катамарана еще помигивали — уцелевшая станция продолжала давать искалеченному судну энергию.

Брызгин не раз попадал в неприятные и даже опасные ситуации. Но это происходило в пространстве! Он и предположить не мог, что подобная опасность может настичь его на Земле. На мгновение страх охватил его. Это только дураки ничего не боятся, нормальный человек всегда страшится смерти, особенно если угроза ее становится вполне реальной, а приходит к человеку именно в тот момент, когда он меньше всего ждет ее.

Яростно ругаясь, Джефферс подбежал к останкам катамарана.

Брызгин хотел закричать, чтобы Том был осторожнее, но не успел — пальмы, на которых повисли останки судна, с треском легли на песок, и металлическая громада накрыла археолога.

Брызгин на мгновение закрыл глаза, потом рванулся к останкам катамарана.

Джефферс был жив.

Андрей с натугой приподнял мятый металл, освободил Джефферса из-под обломков. Тот тяжело и со стоном дышал. Но он был жив, и можно было надеяться, что живущие в его крови микрокибы сделают все возможное и спасут археолога.

Отбросив прежние условности, Брызгин вызвал Службу Спасения.

Спасатель, выслушав Брызгина, неодобрительно покрутил головой, но читать нравоучения не стал — понимал, что в этой ситуации время, как никогда, дорого.

Через пятнадцать минут над атоллом завис купол станции, еще через пять спасатели поили Брызгина горячим чаем.

Тому Джефферсу служба спасения уже ничем не могла помочь. Повреждения внутренних органов оказались столь велики, что даже всемогущие ассамбляторы не могли спасти человека.

Джефферса еще успели доставить в клинику Калькутты.

Там он и умер — прямо на операционном столе.

Смерть человека на Земле в результате катастрофы была редким явлением, не удивительно, что она стала предметом рассмотрения в Службе Спасения. Представители ее к Брызгину отнеслись со вниманием, понимали, что пережил человек совсем недавно.

Сам Брызгин в смерти Тома Джефферса винил только себя.

Еще столь недавно так привлекательные пейзажи Земли поблекли в глазах Андрея. Тоска была столь велика, что Брызгин не задержался бы на Земле ни на один час, если бы его поспешный отъезд не походил на бегство.

Он не отвечал на звонки.

Видеть кого-либо в эти тяжелые дни Андрею абсолютно не хотелось. Поэтому появившееся на экране лицо Армстронга он разглядывал с откровенной неприязнью, хотя старик меньше всего был виноват в случившемся. Но он жил, а Тома Джефферса в живых не было.

— Надо встретиться, — сухо сказал Нейл Армстронг. — Кажется, я нашел решение нашей проблемы.

Некоторое время Брызгин с возмущением разглядывал старика, пытаясь найти в его лице черточки самодовольства, но морщинистое лицо оставалось спокойным и невозмутимым.

— Сегодня я не могу, — пересилил себя Андрей. — У меня горе, Армстронг! У меня погиб друг.

Старик пожал плечами.

— Даже смерть близких не отменяет работы, — сказал он. — Тем более что в нашем случае следует поторопиться. Неделю назад взорвалась М-3241 и я, кажется, знаю, какая звезда будет следующей.

«Сухарь, — с раздражением подумал Брызгин. — Даже не посочувствовал, не спросил, что произошло. И все их поколение такое, за работой они ничего не видели. Только работали, работали, работали, и плевать им было на то, что творилось рядом».

Раздражение его было несправедливым.

Нейлу Армстронгу надо было отдать должное — за короткое время он смог нащупать что-то очень важное, если с такой уверенностью заявил, что решил проблему. Но Брызгин слишком презирал себя сейчас, а потому не мог быть справедливым и великодушным.

2. Кр-хи принял от Дымова подарки и тут же принялся украшать паутину.

Надо сказать, что разноцветные стеклянные шарики в мохнатой багровой паутине смотрелись фантастически красиво. Оказалось, что мощные лапы Кр-хи могли быть и бережными. Стеклянные шарики, покачиваясь в родовой паутине аборигена, издавали мелодичный певучий звон.

Сев рядом с астронавтом, Кр-хи с удовольствием оглядел паутину всеми двенадцатью глазами и почесал брюхо.

— У Кр-хи лучшее гнездо, — хвастливо сказал пауканин. — Кр-хи умен. У Кр-хи умный друг.

— С чего ты взял, что умен? — подначил Алексей.

— Кр-хи знает с кем дружить. Друг знает, какие нужны подарки, — объяснил пауканин. Кр-хи знает, как украшать гнездо. Погребальная паутина должна быть праздничной.

— Кр-хи хочет сказать — родовая паутина? — уточнил Дымов.

И получил неожиданный ответ.

— Рода нет. Теперь каждый пауканин готовится к смерти. Все паутины на Яркане погребальные. Родовых уже нет. Никто не сможет продолжить жизнь на Яркане. — Кр-хи подумал и злорадно добавил. — Даже мокрые не смогут быть беззаботными. Трудно жить в горячей воде.

— С чего ты взял, что вода станет горячей? — спросил капитан.

— У колдунов нет глаз? — удивленно шевельнул жвалами Кр-хи. — Пусть друг посмотрит в небо. Внуки Звездного Паука уже завязали свои узелки. Скоро они начнут оплетать своей паутиной солнце.

— У меня только два глаза, — при-

мирительно сказал капитан. — У Кр-хи их двенадцать. Расскажи мне о внуках Звездного Паука.

— Сначала искупаемся в лагуне, — сказал пауканин. — Внукам Звездного Паука предстоит долгая работа, а Кр-хи хочет есть.

— Я принес тебе много еды, — возразил Дымов.

Пауканин выдвинул два верхних глаза на длинных стебельках. Капитан Дымов знал, что таким образом паукане выражают свое удивление. О человеку в такой ситуации можно было сказать, что у него глаза на лоб полезли. У паукан они лезли в буквальном смысле слова, но не на лоб, а на верхнюю часть головогруди.

— Ты приносишь много вкусной еды, — сказал пауканин. — Кр-хи доволен и радуется. Но сегодня ему хочется живой рыбы, пусть даже малька. Пойдем, поплаваем и попробуем поймать настоящую еду.

Даже в воде, пауканин чувствовал себя словно на паутине. Движения его были резкими и стремительными. Воздушный мешок у брюшка надулся и стал прозрачной полоской. Лапы обрели жесткость и слаженно двигались подобно веслам. Стремительными нырками Кр-хи исследовал дно бухты, где между рифов и камней у него были сплетены хитроумные ловушки, но все его ловушки оказались пустыми.

— Ненавижу мокрых, — сказал Кр-хи. — Почему они не пускают рыбу в лагуны? Потому что они ненавидят нас. Но голодный пауканин ненавидит их больше. Если у них есть ум, для чего они не дают пауканам быть сытыми? Но если они заставляют паукан голодать, значит, ума у них нет. Колдуны ошибаются, ихтиолы не могут быть умными. Они даже не видят звезд!

Вытянув лапы, он распластался на песке.

В густой черной шерсти блестели капельки воды.

— Хочу сока малька, — сказал Кр-хи.

— Я поймаю тебе малька, — пообещал Дымов, подставляя тело солнцу. —

Я даже поймаю тебе большую сочную рыбу, если ты расскажешь мне о внуках Звездного Паука.

— Они уже пришли, — сообщил Кр-хи. — Они завязали три узелка и начали плести боевую паутину. Когда они сплетут паутину, солнце будет в коконе. Ему будет очень тесно в нем, оно будет биться, и стараться вырваться. Но паутина будет прочной и тогда солнце распухнет. Оно станет большим и заберет в себя Яркан. Паукане не могут жить в огне. Мокрые не могут жить в огне. Даже колдуны не могут жить в огне. Колдунам тоже надо плести погребальную паутину, — сказал Кр-хи и, подумав, добавил. — Если они не улетят домой.

— Ты уже и нас хоронишь, — усмехнулся капитан. — Но ты еще не сказал, где живет звездный Паук и откуда пришли его внуки.

Пауканин шумно встряхнулся.

— Вселенная за пределами Яркана похожа на паутину, — сказал он. — В центре паутины в невидимом коконе живет Звездный Паук. Откуда придти его внукам? Но ты обещал мне большую сочную рыбу...

— Погоди, погоди, — остановил его Дымов. — Будет тебе рыба. Так ты считаешь, что они пришли из центра Галактики? Но зачем? Для чего?

Пауканин качнулся на мохнатых лапах, принял молитвенную стойку и закрыл глаза.

— Тысячи лет каждый пауканин плетет свою родовую паутину, — сказал он. — Почему колдуны никогда не интересовались, для чего мы ее плетем?

— Ну, это уже очевидно, — засмеялся капитан. — Вы ведь даже в молитвах это произносите. Паутина кормит, паутина держит, паутина воспитывает, паутина поет. Пока жив последний паук, да не кончится в его железах слюна, чтобы ткать паутину. Зачем спрашивать про очевидное?

— Тогда зачем ты спрашиваешь про родовую паутину Звездного Паука? — спросил Кр-хи. — Единственное ее отличие от нашей — она значительно больше. Хватит, Дымов! Я хочу сочную рыбу!

Капитан Дымов встал, нащупывая в боковом кармане антиграв.

— Колдун сказал, колдун сделал, — засмеялся он.

Глаза пауканина покраснели.

— Плохой колдун — плохой друг, — довольно проскрежетал он. — Глупый выберет плохого колдуна. Глупый колдун не думает о животе. Глупый колдун всегда старается набить голову. Кр-хи умный. У него умный колдун. Потому Кр-хи сейчас будет есть сочную рыбу.

— Подхалим, — проворчал Дымов. — Только скажи мне еще одно: почему ты думаешь, что Вселенная похожа на вашу овальную паутину?

— Кр-хи ошибся, — пауканин почесал брюшко. — Ты тоже думаешь, как набить голову. Когда ты сыт, хочешь тебе искать добычу?

— Не хочется, — признался Дымов.

— А когда ты узнаешь что-то новое, тебе хочется узнать еще?

— Обязательно.

— Тогда ты должен понимать, — важно сказал Кр-хи. — В знаниях сытости не бывает. Много знать — значит быть печальным, потому что понимаешь, всего знать нельзя.

— Екклезиаст! — восхитился капитан Дымов.

— Новое имя, — удивленно отметил Кр-хи. — Это обидное имя? Колдун меня плохо назвал?

— Так звали земного философа, — смеясь, объяснил Дымов. — Когда-то давно он сказал, что во многих знаниях есть много печалей.

Пауканин расцвел малиновыми пятнами — похоже, от удовольствия.

— Очень рад, — сказал он. — Я думал, колдуны только и задают вопросы.

Оказывается, среди них тоже бывают мудрецы.

— И все-таки, — повторил вопрос Дымов. — Ты не ответил, Кр-хи!

— Все мы живем на паутине, — сказал Кр-хи. — Только мы это уже поняли, а колдуны пока еще нет.

— Нет, братец, высокомерия у тебя на всю галактику хватит, — сказал капитан Дымов, высматривая стайку ихтиоров.

А к кому он еще мог обратиться на Яркане за свежей рыбой? В конце концов, не самому же ее ловить?

3. Над Сумеречью висела маленькая правильная луна.

С одной стороны она была ярко освещена, другой ее стороны лучи Солнца и Свет Земли не касались, поэтому с этой стороны луна казалась маленьким полумесяцем, словно над ноздреватой, испещренной кратерами поверхностью Луны повис ее маленький глобус. К лунной копии стягивались правильными светящимися трубами потоки микрокибов, которые по тем же световодам уходили вниз выполнять новые объемы запрограммированных работ.

Луна преображалась. На ней уже вырос промышленно-энергетический комплекс, а в Сумеречье сейчас стремительными темпами возводилась верфь, на которой предстояло монтироваться космическим кораблям. Земля в такой верфи нуждалась. Время одиночных героических экспедиций подходила к своему завершению, теперь в космос уходили флотилии, которые решали задачи непосильные одиночным кораблям.

Лунные поселения энергетиков и промышленников насчитывали уже восемь миллионов человек, и пока еще всем из них на Луне работы хватало, ведь Луна была центром космической индустрии, и именно с лунной орбиты уходили в Дальний космос космические корабли. Луна давала Земле энергию, и это тоже было немало важным, теперь уже каждый понимал, что энергия — это средство достижения новых высот.

Глаза Нейла Армстронга блестели живо и молодо, его можно было понять — тот, кто прожил долгие годы в напряженной космической работе, не мог не радоваться встрече с пространством.

До старта корабля оставалось еще около двух часов, и Нейл решил прогуляться по лунному плоскогорью. Кратеры и цирки, которые на этом участке луны громоздились едва ли

друг на друге, напоминали Армстронгу его молодость. Старик шел уверенно и даже рискнул перепрыгнуть через пару широких расщелин, вызвав неодобрительные взгляды Брызгина, который, однако, против этих вольных экспериментов старого астронавта не протестовал — понимал, что тем движет.

Земля висела по левую сторону дымным голубоватым шаром. Звезд вокруг нее не было видно, а алые и зеленые горошины многоцелевых автоматических спутников, повисших на гелиоцентрических орбитах, за звезды принимать было просто неудобно — все-таки не туристы гуляли, а старожилы открытого космоса.

Проголочным шагом дошли до обелиска, поставленного на месте высадки на Луне первых людей. Нейл Армстронг с некоторой неловкостью прочел на обелиске свое имя и фамилию, хотя ему было понятно, что надпись на обелиске касалась однофамильца и тезки.

Прямо у обелиска кто-то посадил и накрыл колпаком лунный кактус, редкое растение, которое иногда встречалось на дне глубоких кратеров и цирков, еще сохраняющих подземное тепло и подобие атмосферы. Видно было, что за кактусом у обелиска ухаживали — колючие листья свои кактус разбросал едва ли на семь футов и к тому же цвел мелкими малиновыми цветочками, усеивающими верхнюю ложношейку.

От обелиска повернули обратно.

Брызгин не переставал удивляться старику. Для своих лет Нейл Армстронг шел очень прилично и никаких признаков усталости, вроде затрудненного дыхания в динамиках, пока не слышалось и не наблюдалось.

В первые минуты их встречи Брызгин довольно сухо и невежливо поинтересовался у старого астронавта, каким образом тот решил поставленную перед ним задачу.

— Разве задача заключалась в том, чтобы найти способ предотвращения взрывов звезд и их превращения в черные дыры? — удивился Армстронг. — Думаете, что Даниил хотел услы-

шать от меня, почему та или иная звезда взрывается и чем она отличается от соседних звезд? Андрей, вы его просто не поняли. Даниил ждет не разгадки тайны, он ждет решения проблемы. А я эту проблему решил. Но расскажу я все лишь Даниилу. Кто-то из древних сказал, что во всяком знании много печали, и он был прав, Андрей. Я получил разрешение на полет. И мы полетим. Не думайте, что я высказываю вам недоверие, напротив, я оберегаю вас от излишнего знания, у вас ведь впереди не один год жизни, а с годами некоторые тайны становятся просто непосильными.

— Решили в последний раз воспользоваться своим авторитетом и прокатиться в дальний космос? — безжалостно съязвил Брызгин.

Некоторое время Армстронг холодно разглядывал молодого коллегу, и в тот момент, когда тот уже изнывал от неловкости момента и готов был расписаться в собственной бестактности, Нейл неожиданно согласился:

— Именно так, молодой человек, именно так. Захотелось в последний раз увидеть Вселенную со стороны. Тем не менее, у меня есть разгадка тайны, а у вас ее по-прежнему нет.

И надолго замолчал, держась по отношению к Брызгину с некоторым отчуждением и заставляя того жалеть о вырвавшихся обидных словах.

Через семь часов они вылетели на Плутон, где загружались транспортные корабли, идущие в систему Аристы. Лететь предстояло семьдесят два часа, и Брызгин надеялся, что за это время наступит перемирие. Пожалуй, его оценки поведения старика были несколько резковаты, но ведь и поведение Армстронга не уступало в резкости этим оценкам!

Лежа в своей каюте и анализируя случившееся на Земле, Брызгин приходил к выводу, что в смерти Джефферса виноват именно он. Почему он не поинтересовался прогнозом погоды, после того, как Том поймал золотую макрель и сказал, что обычно эти рыбы поднимаются из глубин в ненастье? Почему не обратил внимания на извечный признак шторма — скопле-

ния медуз? А главное, он обязан был пресечь эту детскую самостоятельность, надо было самому вызвать спасателей, а не добиваться, чтобы это сделал сам Джефферс! Странное дело, до происшествия на атолле Андрей считал себя человеком решительным, а теперь оказалось, что слабый он человек. Смерть Тома Джефферса выбила Брызгина из колеи и лишила прежней уверенности. А Брызгин всегда хорошо работал. Если был уверен в себе, даже самоуверен.

Может быть, именно поэтому он никак не мог понять, что именно нашел старый Нейл Армстронг в тех данных, которые Брызгин ему доставил. Многие искали в них смысл, только так его и не нашли.

Уже у Сатурна Брызгин выбрался из своей каюты.

Зрелище колец гиганта было достаточно экзотическим, чтобы на него посмотреть.

На обзорной палубе стоял Нейл Армстронг.

Развернувшиеся над его головой переливы колец, разноцветными полосами пересекающие кремово-желтый в с темными прожилками диск Сатурна делали полусвещенного астронавта похожим на памятник самому себе. Нейл Армстронг был погружен в размышления, поэтому Брызгин, хотя ему и не терпелось задать своему спутнику несколько вопросов, не решился его побеспокоить.

Глава четвертая

1. — Сказки твоего пауканина в свете последних исследований Аристемы выглядят довольно убедительно, — сказал Деммер. — Похоже, что их космогонистические мифы имеют определенные корни, капитан. Астрофизики уже обнаружили в окрестностях системы два образования, которые в скором времени могут превратиться в черные дыры. Но откуда это знать обитателю планеты, который никогда не поднимался выше нескольких сот метров на своей летучей паутине? Похоже, мы проглядели пау-

кан, они могут оказаться куда более интересным для изучения объектом, нежели мы полагали.

Разговор шел в просторном и гулком холле базы отдыха.

Был день тумана, поэтому над океаном висела взвесь водяных шариков, которые радужно вспыхивали на солнце, придавая океанскому простору фантастический вид. Представьте себе тысячи аврор, одновременно сияющих над изумрудной гладью воды, представьте себе огромное красное солнце, встающее в окружении миллионов крошечных радуг, и если вы не сможете это представить, то, по крайней мере, поймете, что нереальную красоту туманного дня на планете Яркан очень тяжело описать. И не потому, что красок не хватает, а, прежде всего из-за того, что этих красок чересчур много и при описании никак не поймешь, какую из них взять, чтобы пейзаж получился достоверным и близким к тому, что наблюдаешь собственными глазами.

Невысокий Деммер выглядел оживленным, и, казалось, он совсем не замечает удивительной красоты дня. Возможно, это из-за возраста, когда тебе за двести, и ты отказался от генокодирования, трудно все воспринимать восторженной душой.

— Но считать, что эти дыры со временем задушат звезду и сделают возможным ее превращение в сверхновую, — сказал физик. — Ересь, капитан, невежественная ересь, за которую надо сжигать на кострах. Хотя бы для того, чтобы в науку лезло поменьше дилетантов, — физик спохватился и предупредительно выставил вперед руку. — Я не говорю, что нужно начинать именно с вас, капитан, но, честно говоря, на этой планете под это определение вы подходите более других.

— Спасибо, — без улыбки поблагодарил Дымов. — А что касается процессов, которые превращают звезду в сверхновую... Вы сначала сами разберитесь в том, что возможно, а что нет, а потом уже требуйте знаний от неспециалиста.

Деммер задумался.

Некоторое время капитан Дымов

ожидал продолжения разговора, но когда физик начал расхаживать по залу, разглядывая белый высокий потолок, капитан понял, что его собеседник уже забыл о присутствии посторонних. Деммер всегда отличался рассеянностью, рассказывали, что однажды, получая диплом института Рокфеллера за исследование ионизированных локальных полостей верхней мантии Юкко, Деммер настолько увлекся неожиданно пришедшей ему в голову идеей, что вместо произнесения речи, он взялся за расчеты и даже исписал ими только что полученный роскошный диплом от корки до корки, не оставив на розовом атласе диплома ни дюйма чистого места.

Дымов посидел немного, любуясь многочисленными радугами над океаном, потом понял, что физик забыл о его существовании, и неторопливо поднялся.

Он уже выходил из зала, когда Деммер окликнул его:

— Дымов, — спросил Деммер. — А почему вы решили, что пауканин говорит о центре Галактики?

Капитан пожал плечами.

— Мне показалось, что речь идет о галактике, — сказал он без особого убеждения. — Что еще может так походить, на овальную паутину паука?

— Дилетант, — снова проворчал физик. — Но, может быть, именно в этом вы оказались правы. Жаль, что пылевое облако скрывает от нас этот центр, Дымов, какое фантастическое зрелище открылось бы тогда нашим глазам!

Дымов едва не хихикнул.

И этот туда же! Фантастическое зрелище ему подавай! А что может быть фантастичнее и сказочнее дня тумана на Яркане? Этакой красоты Деммер не видит, но полагает, что зрелище свободного от пыли центра Галактики его поразит. Нет, эти ребята, что создают невероятные миры на кончике пера с помощью полутора сотен формул, они и в самом деле не от мира сего!

А Деммер уже опять не обращал на него никакого внимания. По неподвижному взгляду физика Дымов по-

нял, что Деммер связался с корабельным Информом, и только тому было теперь известно, на какую тему и во имя чего они с физиком сейчас ведут нескончаемый и нудный научный спор.

2. — Колдуны — дураки, — довольно сказал Кр-хи, поглаживая брюшко. Одной клешней он держал рыбину, второй ловко вскрывал ей брюшину. — Колдуны — дураки. Им обязательно нужно видеть там, где надо знать.

Дымов наблюдал за манипуляциями пауканина, твердо решив для себя, что сегодня выудит из аборигена все, что тому известно.

— Откуда ты знаешь, если не видишь? — спросил он. — Вот рыба, ты ее трогаешь и понимаешь, свежая она или протухшая. Вот камни. Ты их шупаешь и понимаешь, можно натянуть между ними паутину или нельзя. Для того, чтобы что-то понять, надо сначала посмотреть, пощупать, понять. Разве может быть по-другому?

Сам того не замечая, Дымов начал изъясняться в манере пауканина.

Пауканин вернулся на паутину, украшенную камнями, что подарил капитан, и теперь с удовольствием покачивался на ней, лакомясь сырой рыбой. Жвалы его незаметно для глаза снимали розовую плоть рыбины слой за слоем, все двенадцать глаз пауканина были блаженно прикрыты.

— Пауканин смертен, — сказал Кр-хи, на мгновение отрываясь от рыбины. — Звездный паук — высшее существо. Он определяет судьбу живущих. Разве можно иначе? Разве у колдунов нет высшего существа, которое определяет их судьбу?

— Ты говоришь о Боге? — на секунду растерялся Дымов.

Кр-хи небрежно поднял на землянина цепочку глаз и снова принялся лакомиться рыбой. Он словно бы давал Дымову проникнуться всей глубиной заданного вопроса.

— Но это же смешно, — сказал Дымов. — Я же рассказывал тебе об эволюции, о строении вещества, о звездах и Вселенной. Неужели ты ничего не понял?

Кр-хи небрежно отбросил рыбий скелет в сторону. Тщательности, которая была использована пауканином для того, чтобы отделить плоть от костей рыбины, можно было только позавидовать.

— Звездный паук живет на звездной паутине, — сказал Кр-хи наставительно, словно объясняя землянину прописные истины. — Судьба всех, кто живет на Яркане, зависит от Звездного паука. У вас, наверное, солнце другое и паук вас не трогает. Значит, ваша судьба зависит от Звездного человека.

— Но откуда ты взял, что ваша судьба зависит от Звездного паука? — не выдержал капитан. — И с чего ты взял, что звездный паук существует? Нет никакого Звездного паука и быть не может! Ты его видел?

Пауканин снова закачался на своей паутине, колокольчики весело и хрустально звенели, камни в лучах солнца искрились, и багровые нити паутины совсем не выглядели траурно, наоборот, они смотрелись весьма весело и звонко.

— Ты когда-нибудь видел свою Вселенную? — спросил Кр-хи.

— Всю Вселенную увидеть невозможно, — объяснил капитан Дымов. — Вселенная бесконечна.

— Откуда ты знаешь, что она существует? — удивился Кр-хи. — И как она выглядит? Для пауканина Вселенная похожа на паутину, для мокрого, — он неодобрительно скрежетнул жвалами, — она похожа на океан. На что похожа Вселенная колдунов?

— Этого никто не знает, — сказал Дымов.

— Никто из колдунов не знает, как выглядит их Вселенная, но каждый колдун знает, что Вселенная существует и она бесконечна. Откуда у колдунов это знание? Или это предположение? Тогда почему они не верят во Вселенную Звездного паука?

Старчески посвистывая трахеями, пауканин сполз с паутины и встал рядом с землянином.

— Смотри, — сказал он. — Каждый пауканин знает это с рождения. Яркан пауканина — это Вселенная.

В центре ее обязательно Звездный паук. Звездный паук делает коконы из звезд. Коконны эти всегда идут по спирали из центра. Более тусклые — это погасшие звезды, яркие — это звезды которые не в коконах. Когда Звездный паук начинает плести очередной кокон, возникают ступки яркана. Видишь?

Капитан Дымов посмотрел на паутину и покачал головой.

Перед ним была модель Галактики. Яркие бусины, которые капитан подарил пауканину и которыми тот украсил свой яркан, представляли собой погашенные звезды. Для более детального сопоставления нужны были расчеты, нужны были данные, которыми Дымов не располагал, но получение таких данных было только вопросом времени. Черт возьми! Откуда пауканам было знать, где и когда вспыхивала Сверхновая, которой в силу своих физических качеств предстояло превратиться в черную дыру? Вот тебе и не космическая раса!

— Видишь, — довольно сказал пауканин, бережно касаясь лапой бусины, символизировавшей его планету. — Мы — здесь. Значит, пришло время приобщиться к миру Звездного паука.

Капитан Дымов посмотрел на аборигена.

— И тебя не пугает смерть твоей расы?

— Все однажды умрут, — равнодушно сказал Кр-хи. — Однажды умрет и сам Звездный паук, а погашенные им звезды снова загорятся.

Он подумал немного, алые пятна на его брюшке стали яркими, голову-грудь неожиданно стала пушистой, и Кр-хи удовлетворенно добавил:

— Зато мокрых не будет! Трудно жить в горячем воздухе, но в кипящей воде жить совсем невозможно!

3. Шесть дней — не столетие, но Брызгину полетная неделя показалась нестерпимо долгой.

Он не понимал, почему Армстронг назначил встречу Даниилу Ольжецкому на базе звездного флота в системе

Аристеми, но добиваться каких-то объяснений у старика не хотел. Заочет, объяснит сам.

Но то ли Армстронгу пока не хотелось пускаться в объяснения, то ли он ждал проявлений любопытства со стороны Брызгина, но так или иначе он с разъяснениями не торопился.

Смерть Тома Джефферса постепенно уходила в прошлое.

Брызгин знал, что никогда не простит себе глупого и безвольного поведения на атолле, но постепенно боль стихала, а мозг постоянно услужливо подбрасывал оправдания, которым Брызгин пытался не внимать.

Между тем полет продолжался в соответствии с рутинными правилами астронавтики. Выход в очередную расчетную точку тахиарда, бросок в подпространстве, маневрирование до очередной точки, кратковременные пребывания на звездных станциях, когда поглощавший уйму энергии спейсрейдер осуществлял очередную дозаправку. Это ведь был пассажирский, а не исследовательский корабль, он не имел запаса, позволяющего месяцами находиться в автономном плавании среди звезд. Если исследовательский корабль можно было уподобить испанскому галиону, то пассажирское судно выглядело рядом с ним беззаботной яхтой. Реакторы исследовательского спейсрейдера были мощны, они могли изменить климат планеты, а при определенных условиях их можно было использовать для решения более серьезных астрофизических задач. Пассажирский корабль предназначался для одного — быстро и с максимальными удобствами доставить пассажиров и груз в необходимое место.

Тем не менее, в конце полета Брызгин чувствовал усталость, словно находился в межзвездном пространстве несколько месяцев. Он понимал, чем вызвана эта усталость, но не мог преломить себя. Виной всему было бездеятельность, к которой Андрей не привык.

С раздражением Брызгин поглядывал на своего спутника, которого бездеятельность похоже совсем не уг-

нетала, старик был рад, что вновь оказался в пространстве, и эта радость заменяла ему все.

Он часами пропадал на мостике управления кораблем, беседовал с пассажирами, пил с ними тягучее и терпкое фангорийское вино, а в моменты барражирования корабля в окрестностях очередной звезды часами разглядывал незнакомое звездное небо, словно в мигающих звездах можно было найти ответ на проблему, вставшую перед человечеством.

Брызгин не подходил к нему, Армстронг не искал встреч со своим молодым попутчиком. Нельзя было сказать, что виной всему была взаимная неприязнь, скорее всего виной была молодая неуступчивость и гордость Андрея, который не умел и не хотел ждать, а потому житейскую неторопливость Нейла Армстронга обращал в обиду.

Прибытие на базу оба восприняли с облегчением.

Еще в порту их встретил Даниил Ольжецкий. Высокий светловолосый, неожиданно морщинистым лицом и пестрыми одеждами он выделялся среди астролетчиков. При виде прибывших лицо его просияло, и Даниил поднял над головой сомкнутые в пожатии руки.

Спустя несколько минут они уже летели на планету. Обзор у катера был хорошим и виден был бесконечный океан, в котором желто-зелеными пятнами неправильной формы выделялись многочисленные острова, собранные в архипелаги.

— Рад? — спросил Ольжецкий старого пространственника.

— А ты думал! — сказал тот, не отрывая взгляда от живописных пейзажей чужой планеты.

— Трудно было получить разрешение на полет? — продолжал расспросы Ольжецкий. — Больше всего я боялся, что врачи тебя не выпустят, Нейл.

— Поэтому ты подстраховался и вышел на Файберга? — хмыкнул Армстронг.

Они засмеялись.

Им было все ясно, и Брызгин вновь почувствовал обиду.

— Как тебе понравился мой па-
рень? — спросил Ольжецкий.

— Хороший... специалист, — с лег-
кой, но заметной запинкой отозвался
старик. Ольжецкий сделал вид, или
действительно не заметил заминки.

— А как же, — сказал он, похлопы-
вая Брызгина по плечу. — У нас толь-
ко такие и задерживаются. Каждый —
настоящий профессионал! Других не
держим!

— Я так понимаю, что ты уже сам
догадался обо всем, — утвердительно
сказал Армстронг. — Пакет данных
оказался таким, что вероятные выво-
ды лежали на поверхности. Я подум-
ал, что ты, Даниил, не нуждаешься в
разгадке, тебе необходимо решение
проблемы. Я угадал?

Брызгин поймал моментальный и
острый взгляд Ольжецкого. Судя по
этому взгляду, Ольжецкому не хоте-
лось, чтобы Брызгин был посвящен в
детали. Он не ошибся. Ольжецкий по-
крутил в воздухе пальцами и неопре-
деленно сказал:

— В общем-то, ты близок к исти-
не, Нейл. Я думаю, у нас еще будет
время поговорить об этом более по-
дробно.

«И черт с вами! — подумал Брыз-
гин. — Темните, если хочется. Не
очень-то мне нужны ваши секреты».

Но чувство обиды, разумеется, не
исчезло. Чувство нетерпеливого ожи-
дания момента, когда тайна откроет-
ся, стало только острее.

— Тайны Мадридского двора, — с
некоторым раздражением сказал он
Ольжецкому. — Не понимаю я вас,
старички. Проблемы кулуарно не ре-
шаются, особенно такие, как спасе-
ние звездных систем.

Ольжецкий не улынулся.

— Анджей, — сказал он. — Успо-
койся. Это говорит молодость. При-
дет время, и ты поймешь, что от реше-
ния некоторых проблем лучше всего
держаться в стороне. Человеческая
совесть не безразмерна, есть вещи,
которых она не прощает.

А объяснять ничего не стал. Вот и
понимай пана Ольжецкого, как хочешь.

Брызгин в чудеса не верил. Он
твердо знал, что рано или поздно все

объясняется, а загадки перестают та-
ковыми быть. Все дело во времени.
Андрей Брызгин был молод, а потому
и спокоен.

Глава пятая

1. Для Нейла Армстронга этот
полет был, как второе рождение.

Проверка расчетов, подготовка не-
обходимого оборудования, споры с
противниками проекта и его союзни-
ками, — все это возвращало Арм-
стронга в дни его молодости. Даже со-
жаление о происходящем отступило
куда-то на второй план. Нейл пони-
мал, что это временное явление, ре-
зультат охватившей его эйфории, по-
том, когда все встанет на свои места,
все будет плохо, очень плохо. Одна
радость, что это будет продолжаться
недолго. Все бы выглядело хуже, будь
он молод.

Ольжецкий был прав.

Молодым в этом рейсе делать бы-
ло нечего.

— Что скажет Совет? — изменился
в лице капитан Дымов.

— Это мы узнаем после возвраще-
ния, — меланхолично сказал Оль-
жецкий. — В противном случае спо-
ры и дискуссии о правомерности на-
шего поступка затянулись бы на не-
сколько лет. А у нас нет времени, ка-
питан. Аристема обречена. Способна
ли Земля эвакуировать жителей Ари-
стемы за три-четыре года? Это при
условии, что подходящей планеты
для них пока нет, что надо еще убе-
дить в правомерности своих поступ-
ков самих аборигенов. Представьте
себе, что мы живем на Земле, вдруг
появляются инопланетяне и говорят,
что всем нам грозит смертельная
опасность и единственным спасени-
ем от нее является эвакуация землян
куда-нибудь к черту на кулички. Вы
сразу и безоговорочно согласились
бы на предложенные варианты? Или
у вас бы возникла мысль, что какие-
то нахалы пытаются захватить наш
земной рай, а потому запросто идут
на бесчестный обман?

И это будет происходить с нами, с

теми, кто знает пространство не понаслышке. Мы будем сомневаться и колебаться. Что же тогда говорить о существах, которые едва поднялись на первую волну разумности? Не полагаете ли вы, капитан, что спасти можно насильно? Кем мы тогда будем в глазах ихтиоров и пауков? Захватчиками?

— Вы меня не убедили, — покачал головой капитан Дымов. — Такие решения не принимаются кучкой заговорщиков, такие решения принимаются Мировым Советом.

— И все в Мировом Совете примут однозначное решение? — вмешался в разговор Нейл Армстронг. — А вы сами готовы переложить на них такую ответственность? С таким грузом трудновато жить на свете, капитан. Если уж вы сомневаетесь...

— Я всегда думал, что зажигать звезды — это хорошее занятие, — вздохнул капитан Дымов. — Оказывается, что это еще и очень совестливое дело.

— Поэтому-то оно для стариков, — невесело усмехнулся Ольжецкий. — Я ведь специально подобрал экипаж на Аристеми из тех, кому будет недолго сожалеть о принятом решении. И так же специально не посвящал в суть проблемы молодых. Просто представьте, что с таким грузом придется прожить несколько столетий. Свихнуться можно — и не один раз!

Деммер был рассеян.

Деммер продолжал считать — постепенно расчеты складывались в единое целое. Уравнение, в котором поставлено равенство между группой пожилых людей, да что там лукавить, между группой стариков и звездой, которой предстоит вспыхнуть в недалеком будущем. Деммер — прекрасный теоретик, он отдал своему делу не один десяток лет, не удивительно, что уравнение тождества получилось изящным и печальным.

— Я все-таки не понимаю, — сказал он. — Идеальной было бы начать эксперимент в системе Аристеми. Легче справиться с новообразованиями, чем лететь за несколько световых лет с омнительными гарантиями успеха.

— Коконы Звездного паука в системе Аристеми трогать просто нельзя, — сказал Нейл Армстронг. — Я рад, что они были обнаружены. В свое время они сыграют роль сигнальных флажков для человечества. Их исчезновение покажет человечеству, что его поняли и поняли правильно.

— Значит, ты твердо убежден, что это не агрессия? — задумчиво спросил Ольжецкий. — Это не враг, не какие-то фантастические разрушители, которые ненавидят жизнь?

— Это строители, — сказал Армстронг. — Я твердо уверен в этом. Достаточно изучить характеристики возникновения черных дыр, и мы поймем, что это не агрессия, это целенаправленное строительство жителей черной дыры в Центре галактики. Видите, как они раскручивают свою трассу по спирали? Для строительства им необходимы звезды с определенными характеристиками. Звезды, которые могут превратиться не в нейтронную звезду, не в белый карлик, — а именно в черную дыру. Поэтому каждая звезда с подобными характеристиками, если она находится на их трассе, просто обречена. Они не ведут войны, они не испытывают злого торжества, они просто ведут свою трассу к иному звездному острову.

Эти существа даже не подозревают об обитаемости этих миров, для них среда обитания такова, что любое предположение о возможности существования разума у открытых звезд будет казаться антинаучной ересью, как и наши предположения, что в сингулярности может существовать и развиваться разум.

— Все равно, я не думаю, что следует таить все от остальных, — сказал капитан Дымов. — Бесчестность поступка ляжет не только на нас, она коснется всего человечества.

Даниил Ольжецкий пожал плечами.

— Дымов, — сказал он. — Я понимаю ваше беспокойство. Тем не менее, мы делаем то, что вынуждены сделать.

— После возвращения я первый не подам вам руки, — сказал астронавт.

— Не сомневаюсь, что вы будете одним из многих, но вы тоже окажетесь в изгоях, дружище. Поверьте, легче перенести презрение одного человека, чем ostracism человечества. Думаю, что мы оба окажемся в одинаковых условиях.

Деммер грустно вздохнул.

— Друзья мои, — сказал он. — Перед нами стоит любопытная задача. Наш коллектив вполне может эту задачу разрешить. Только почему вы решили, что возвращение — обязательное условие для нашего полета? Я тут прикинул, после изменения пространственных условий нам, возможно, придется пересчитывать точки тахиарда. Совсем не факт, что у нас для этого окажется достаточно времени.

Странное дело, они обсуждали вероятность своей гибели с хладнокровием и спокойствием, которое вообще-то несвойственно человеку. Физика можно было понять, для него все происходящее было в первую очередь большой и сложной логической задачей, в которой вопросы сохранения являлись вспомогательными и необязательными условиями решения этой задачи.

Труднее было понять спокойствие остальных.

Возраст брал свое, что ли? Или просто срабатывала подспудно живущая в каждом человеке вера в его индивидуальное бессмертие.

2. Напрасно многие люди представляют себе черную дыру чем-то невидимым и оттого смертельно опасным. Да, черная дыра, всегда смертельно опасна для существ, родившихся по эту сторону горизонта событий и никогда не видевших сингулярность изнутри. Трудно даже сказать, возможна ли такая вероятность в принципе. С появлением квантовой механики и искривленного пространства Лобачевского некоторые процессы, происходящие во Вселенной, легче рассчитать на кончике пера, чем представить, даже если обладаешь са-

мой буйной фантазией. Все это так. Но кто сказал, что черная дыра невидима?

Каждая звезда посылает хоть немного света в окрестности фотонной сферы черной дыры. Этот свет кружит вокруг черной дыры, постепенно его траектория раскручивается спиралью навстречу космическому кораблю. Поэтому на больших расстояниях черная дыра выглядит маленьким пятнышком света, которое окружено наложенными друг на друга изображениями многочисленных звезд.

Вблизи это сияющий по краям угольно черный объект, окруженный бесчисленными и многократно искаженными звездами и галактиками.

— Красиво, — сказал Деммер. — Очень жалко, что мы своими руками уничтожим эту красоту. Технология действительно проста. Но как быть с разумом? Имеем ли мы право на задуманное?

— Спроси это у тех, кто погиб, — посоветовал Армстронг. — Спроси у ориан и скуттеров, хотелось ли им умирать? Да не надо ходить далеко, Франц, спроси у ихтиоров и паукан, хочется ли им умереть из-за строительного рвения более развитой цивилизации? Наконец, представь, что опасность угрожает Земле и тебе предстоит сделать выбор в пользу Земли или неведомых тебе, но, несомненно, крайне разумных и деловитых строителей. Для них мы нечто вроде муравейника, с которым можно не церемониться при прокладке дороги. Но согласимся ли мы сами с ролью муравьев?

Физик задумчиво и невидяще смотрел сквозь него.

— И все-таки, — пробормотал он. — Хочу и не могу представить себе эту цивилизацию. Существа, живущие в условиях постоянного жесткого излучения, в условиях, отличных от всех условий, которые на сегодняшний день известны нам. На что они похожи? Как мыслят? Чего хотят? Какие задачи, черт побери, они ставят перед собою?

Спейсрейдер «Хонкай» маневрировал на безопасном расстоянии от

черной дыры, которая еще недавно была малоизученной и неприметной звездой М-3241, а теперь представляла собой форпост неведомой цивилизации.

Деммер был хорошим физиком, может быть, даже гениальным - точки тахиарда действительно менялись с изменением геометрии пространства в районе.

— Значит, умрем красиво, — сказал Ольжецкий. — Знали ведь на что шли!

— Остается еще один вариант, — вслух подумал Дымов. — Вернуться назад и отдать решение проблемы на откуп Совету.

— Этот вопрос мы уже обсуждали, капитан, — мягко сказал Ольжецкий. — Стоит ли возвращаться к однажды пройденному? Или вы нашли новые возражения? Нас здесь четверо. Поставим вопрос на голосование?

— Знаешь, Даниил, — устало сказал Дымов. — Мне почему-то не кажется, что мы похожи на героев. Скорее, мы похожи на хладнокровных убийц, которые вдруг обнаружили, что им придется умереть вместе со своими жертвами. Все это философия, но где гарантия, что в наших рассуждениях нет ошибки?

— Естественные сомнения, — невозмутимо отозвался слушавший разговор Армстронг. — Теперь вы должны решить для себя вот что: если мы и все остальные цивилизации, погибшие или пока еще функционирующие, всего лишь муравейники при дороге, то как нам доказать этим равнодушным существам, что мы, как и они, имеем право на существование? Как доказать, что мы тоже разумны и не менее их любим жизнь?

— И вы считаете, что сделать это можно именно так, как это задумали мы? — капитан Дымов сидел спиной к обзорному экрану, и было видно, как вспыхивают многочисленные звезды вокруг правильного кружочка тьмы, обрамленного легким голубоватым свечением, как крошечными запятыми и дисками высвечиваются галактики, чьи отображения оказались захвачены фотонной сферой черной

дыры. — Вы считаете, что объединенные миры не способны найти способ дать им знать о себе?

— Капитан, — устало сказал Нейл Армстронг. — Не лукавьте. Нас здесь четверо, и мы прожили долгие годы, чтобы не отворачиваться, наконец, от правды и честно смотреть ей в глаза. Зачем нам лукавить?

Мы заставим звезду вспыхнуть вновь, и это будет означать гибель черной дыры и всех ее обитателей. Мы идем на это преступление ради известных нам форм жизни. И я думаю, что это правильно, потому что это единственный способ обратить на себя внимание более сильных и могущественных. Погасшие звезды не возгораются заново случайно, для этого должны быть веские причины, которые может заявить только другой разум. Помните, я говорил о флажках?

Деммер предлагал начать решать проблему с Аристеи. Не думаю, чтобы это было правильным. Новообразования, которые ведут к возникновению на месте солнца черной дыры, должны исчезнуть, если они поймут нас правильно. Понимаете? Они должны показать, что поняли нас и признают за нами право на существование. А потом они начнут поиск... Мне бы очень хотелось дожить до того дня, когда мы, наконец, не только поймем друг друга, но и найдем общие точки, которые станут свидетельствовать о возможности сотрудничества.

А насчет молодых... Мы не лишаем их права на решения, более того, окончательное решение все равно останется именно за ними. Но я смотрел, как этот молодой парень... Да, да, Андрей Брызгин... Он очень переживал за случайную смерть своего товарища и винил в ней только себя самого. И я подумал, что молодым будет очень трудно жить с таким грузом ответственности. Это ведь очень тяжело знать, что ты убил чужой мир, даже если у тебя не было другого выхода. И я подумал, что старикам это сделать легче, по крайней мере, нашей совести этот груз нести меньше других.

А Брызгину я оставил письмо. Я все объяснил ему, на тот случай, если

мы не вернемся. Он неглупый парень и хороший специалист, он поймет. И проверит оставленные нами флажки. В конце концов, следующий шаг придется делать именно им.

— И был еще второй довод, — сказал Ольжецкий, молодо лучась взглядом. — Нейл сразу все понял, собственно, это и было единственное решение проблемы, оно лежало на поверхности. Старикам, вроде нас, легче умирать. Особенно если мы поверили в необходимость столь жесткого подхода к проблеме.

— И все-таки нас помянут недобрым словом, — сказал Дымов. — Никогда бы не подумал, что придется творить зло, чтобы восстановить статус кво добра.

— Обычное явление, капитан, — сказал Армстронг. — Добро чаще всего приходится творить из зла, иных материалов в нашем мире всегда не хватает. Что, ставим вопрос на голосование?

— Оставьте, — поморщился капитан Дымов. — Кто-то совсем недавно говорил мне, что ничто так не мешает работе, как излюбленные демагогами митинги. Скажите Деммеру, пусть он еще раз просчитает точку тахиарда. Уж если нам суждено воссоздать здесь Ад, то нет ли все-таки способа из него вырваться?

3. — Я принес подарки, — сказал Брызгин, саясь на песок рядом с паутиной.

Пауканин покачивался в центре паутины, глядя на розовые облака, повисшие над черно-красным зеркалом океана, в которое медленно опускалось заходящее светило. В потемневшем небе вспыхивали первые звезды, но до сумерек было еще три часа, этого времени было достаточно, чтобы поговорить.

— Дымов — хороший колдун, — сказал Кр-хи. — Ты — хороший колдун. Больше нет нужды украшать паутину. Зачем украшать паутину, если она опять стала черной? Зачем говорить о смерти, если Звездный паук ушел и унес свои коконы?

— О смерти говорить надо, — сказал Брызгин. — Ты ведь знаешь, что Дымов умер?

Пауканин спустился со своей паутины и неудобно сел рядом с Брызгиным.

— Дымов не умер, — возразил он. — Дымов отдал свою душу далекой звезде. Через пять лет он посмотрит на меня с неба. Если он будет смотреть на меня с неба, как он мог умереть?

Брызгин тоскливо посмотрел на небо.

— Дурак я был, — неожиданно признался он. — Я-то думал, что от меня скрывают тайну, в то время как меня от нее оберегали. Кто знал, что они задумали зажечь погасшую звезду? Знаешь, Кр-хи, на это надо было решиться — убить одних, чтобы дать жизнь другим. Стальные люди, Кр-хи, у меня никогда бы не хватило на это решимости.

Пауканин повис на своем яркане, ловко работая жвалами, потом присел рядом с Брызгиным и протянул ему красную яркую бусину.

— Еще одна пустота снова стала звездой, — сказал он. — Звездный паук не жесток, он просто не знал о мирах, в которых живут колдуны. Теперь он знает.

Они сели рядом на краю залива.

Волны с легким шорохом набегали на песок, далекие и близкие звезды светили над ними, и где-то слышался рев труб неугомонных ихтиоров, затеявших свой очередной вечерний концерт.

Андрей Брызгин сидел и с горечью думал, что ему легче понять сидящего рядом пауканина, чем навсегда ушедших людей, обладавших волей и характеристиками, которые позволяли им зажигать погашенные кем-то звезды. «Проклятые боги! — неожиданно подумал он. — Вот как их можно назвать. Проклятые боги, решение которых будут еще долго обожествлять одни, и называть преступлением другие».

Он снова посмотрел на яркан Кр-хи. Яркан и в самом деле изменил свой цвет. Он стал черным. Более того, стилизованное изображение Зве-

